
П. С. Стефанович

ВОЛОДАРЬ ПЕРЕМЫШЛЬСКИЙ В ПЛЕНУ У ПОЛЯКОВ (1122 г.):
ИСТОЧНИК, ФАКТ, ЛЕГЕНДА, ВЫМЫСЕЛ¹

Перемышльское княжество, располагавшееся на крайних западных рубежах домонгольской Руси, существовало относительно недолго — всего около полувека: с 80-х г. XI в. до 30-х г. XII в. До своей смерти в 1092/1093 г. им правил Рюрик Ростиславич — один из трёх братьев Ростиславичей, потомков Владимира Ярославича (старшего сына Ярослава «Мудрого»), отстоявших в трудной борьбе в кон. XI в.

¹ *Ich bedanke mich bei der Gerda Henkel Stiftung für die Unterstützung dieser Untersuchung. Автор признателен Фонду Герды Хенкель за поддержку данного исследования. Приношу также глубокую благодарность Е. Л. Конявской, В. А. Кучкину, П. В. Лукину и М. К. Юрасову за ценные замечания, высказанные при обсуждении рукописи данной статьи.*

право на свою часть в Русской земле. После Рюрика княжение в Перемышле перешло к его брату Володарю и оставалось за ним до его смерти в 1124/1125 г.² Одной из отличительных черт внешней политики этого князя (как и его братьев Рюрика и Василька и их потомков) была вражда с Польшей, граничившей с его княжеством.

В 1122 г. Володарь Ростиславич попал в плен к полякам. Это событие, судя по всему, произвело большое впечатление на современников и отразилось не только в русских и польских источниках, но даже в немецких. Связано это не только с неординарностью самого факта пленения лица княжеского достоинства, но и с особыми обстоятельствами этого события, в том числе с участием в нём выдающегося представителя польской знати первой половины XII в. Петра Влостовича. Однако эта любопытная страница польско-русских отношений почему-то очень мало привлекает внимание историков³. Настоящая статья отчасти восполняет этот историографический пробел, но также приводит к некоторым выводам о порядке взаимоотношений князя и служащей ему знати в домонгольский период. Поскольку несчастье, постигшее Володаря, отразилось в самых разных источниках, в том числе поздних (польских хрониках XV–XVI в. и «Истории российской» В. Н. Татищева), нам пришлось решать ряд непростых источниковедческих вопросов, и, кажется, наблюдения и результаты, сделанные нами в данной связи, могут иметь значение, превосходящее значимость одного этого происшествия. Таким образом, анализ одного частного сюжета нашей древней истории даёт возможность для общих заключений источниковедческого и исторического характера.

О пленении Володаря древнейшие русские летописи, доступные нам сегодня, сообщают короткой фразой под 6630 (1122) г.: Лаврентьевская — «яша ляхове Володаря Василкова брата», Ипатьевская — «и Володаря яша ляховъ лестью Василкова брата»⁴. В следующий раз Володарь упоминается вместе с братом Васильком уже под 6631 (1123) г. среди участников похода Ярослава Святополчича на Владимир-Вольнский⁵. Очевидно, он из плена освободился, но когда и каким образом, из летописи неясно.

Эту неясность следует, видимо, объяснять тем, что в древнерусской летописной традиции существовал значительно более пространный рассказ о пленении Володаря, то ли сокращённый автором статьи 6630 г., то ли не использованный им. В пользу этого утверждения у нас есть разные доводы. Начнём с того, что об этом событии Ипатьевская летопись вспоминает позднее. Статья 6653 г., которая входила в состав так называемого Киевского свода кон. XII в. и, как показал Н. Г. Бережков, была

² О смерти Володаря сообщается в древнейших сохранившихся русских летописях в статье под 6632 (1124/1125) г., причём указывается, что до Володаря в том же году умер его младший брат Василько (ПСРЛ. Т. I. Стб. 293; Т. II. Стб. 288–289). В хронике Яна Длугоша приводится точная датировка смерти Володаря — 19 марта 1126 г. — и даже говорится, что князь был похоронен «в церкви святого Иоанна, которую сам построил». Есть серьёзные основания предполагать, что в распоряжении польского хрониста была некая русская летопись, не сохранившаяся до нашего времени, откуда он почерпнул, в частности, и эту информацию (об этом ещё пойдёт речь ниже). Правда, как считает А. В. Назаренко — редактор и комментатор русского перевода известий Длугоша, относящихся до истории Руси, — хронист здесь ошибся в указании года: на самом деле речь должна идти о 1125 г. (Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI) / Ред. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 305, 418–419).

³ В историографии последних десятилетий о пленении Володаря коротко упоминается в работах, посвящённых русско-польским отношениям (см., например: *Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego (1102–1138) // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu. Nauki humanistyczno-społeczne. Z. 20 — Historia II (1966). S. 50–51; Пащенко В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 151; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 67–68) и «русским» известиям Длугоша (например: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 42–46; см. также комментарии Н. И. Щавелевой и А. В. Назаренко в указанном издании Длугоша), а также — совсем коротко — известиям Стрыйковского и Бельского (Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 96–97; Рогов А. И. Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 129).*

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 292; Т. II. Стб. 286. Лаврентьевская летопись в этой части, как было показано А. Н. Насоновым, представляет более позднее сокращение текста, отразившегося в Ипатьевской (см.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 87). Все другие известные на сегодня летописи (за исключением Густынской — см. ниже) сообщают о пленении Володаря одной этой короткой фразой.

⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.

датирована по мартовскому стилю⁶, сообщает следующее: «Тои же зимѣ (то есть зимой 1145/1146 г. — П. С.) Владиславъ Лядьский кн(я)зь емъ мужа своего Петрка и слѣпи [ХП: Петрока ослѣпи его], а языка ему урѣза и домъ его розѣграби, токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своея. И иде в Русь. Якоже еуанг(е)лское слово г(лагол)еть: еюже мѣрою мѣрять, възмѣрять ти с(я). Ты емъ Руского кн(я)зя лествю Володаря и умучивы ѿ и имѣние его усхыти все, еюже Б(ог)ъ по нѣколищѣ д(ь)невъ не призрѣ, о немже бѣ в заднихъ лѣтѣхъ писано»⁷.

В этом известии говорится, собственно, о двух событиях. Во-первых, узнаём, что в том году, к которому относится летописная статья, из Польши «в Русь» прибыл некий Петрок, который, очевидно, служил польскому князю Владиславу II, сыну Болеслава III Кривоустого (от брака со Сбыславой, дочерью Святополка Изяславича киевского), но был подвергнут казни, лишён имущества и изгнан с семьёю из страны. Во-вторых, летописец сообщает, что этот Петрок в своё время «емъ» «русского князя» Володаря «лествю» и, «умучив» его, захватил «имение его все». Ясно, что речь идёт о перемышльском князе и его пленении «ляхами», упомянутом под 6630 (1122) г. Как в том сообщении, так и в этом указывается, что поляки захватили Володаря благодаря какой-то «лести», то есть обману. Во втором сообщении главным виновником этой «лести» выступает Петрок, а его казнь и изгнание расцениваются как справедливое возмездие за учинённое более двадцати лет назад злодеяние. Среди подробностей пленения Володаря, приведённых в статье 6653 г., нельзя не отметить указание, что князя «Бог по нѣколище дньевъ не призре». Эти слова явно подразумевают, что Володарю довольно быстро удалось освободиться из плена.

Кроме упоминания «лести» два сообщения Ипатьевской летописи — под 6630 и 6653 г. — связываются также прямой ссылкой автора второго сообщения на известие о пленении Володаря «в задних лѣтахъ». Эту ссылку можно понять так, что известие «в задних лѣтахъ» (то есть в предыдущих летописных статьях) было более содержательно, чем короткая фраза, которую мы видим в Ипатьевской, Лаврентьевской и других дошедших до нас русских летописях. Таковую мысль развивал в своё время И. А. Линниченко, сопоставивший летописные данные с данными других источников, в том числе с подробными рассказами о пленении Володаря в «Анналах» Яна Длугоша и «Истории российской» В. Н. Татищева⁸. Мы рассмотрим ниже оба этих рассказа, однако прежде кратко представим в историографическом контексте источниковедческие выводы Линниченко.

И. А. Линниченко не был первым, кто обратил внимание на такой яркий факт из биографии перемышльского князя, но он впервые дал полный обзор источников, сообщающих об этом факте. В XVIII в. русские историки просто пересказывали более или менее точно данные о событии 1122 г., которые сообщают польские хронисты XVI в. — М. Кромер, М. Меховский, М. Бельский и М. Стрыйковский — и которые в конечном счёте восходят к «Анналам» Длугоша⁹. Только И. Н. Болтин попытался несколько вдуматься в эти данные и сразу же обнаружил явную несуразицу. Дело в том, что во всех этих хрониках история пленения русского князя повторяется дважды: один раз в плен попадает Володарь перемышльский, второй — киевский князь Ярополк Владимирович († 18 февраля 1139 г.). При этом польский вельможа Пётр Влостович действует именно во втором случае: он обманным путём входит в доверие в князю, похищает его и увозит в Польшу. Объём, датировка и детали этих рассказов разные, но в любом случае применительно к Ярополку история его

⁶ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 146. Далее все летописные даты переводятся на современное летоисчисление с учётом этого исследования.

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 319. ХП — Хлебниковский и Погодинский списки Ипатьевской летописи. Сообщение есть и в Ермолаевском списке, и оно передано здесь в большем соответствии с ХП (в частности, тоже сказано: «Петрока») с одним существенным разночтением: вместо «и иде в Русь» — «и не иде в Русь но инудѣ» (Там же. Приложение. С. 25). Проверить правильность этого чтения по другим летописям невозможно, так как этого известия больше нигде нет. По смыслу предпочтительней выглядит вариант ХП, о чём см. ниже.

⁸ Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884. Ч. I. Приложение. С. 1–12.

⁹ См., например: Щербатов М. М. История России от древнейшего времени. СПб., 1805. Т. II. С. 93, 126–130.

пленения выглядит совершенно неправдоподобной, поскольку никак не согласуется ни с общей исторической ситуацией (в частности, польско-русскими отношениями в бытность Ярополка на киевском престоле), ни с той — сравнительно подробной — информацией, которую сообщают о Ярополке не только русские источники, но даже и сами польские хронисты. Болтин обвинил в выдумке Кромера — это он, по мнению русского историка, «выдумал баснь» «о увозе» Ярополка¹⁰.

В выводе о баснословности истории с Ярополком И. Н. Болтина поддержал Н. М. Карамзин, который, однако, внёс важное уточнение о её происхождении. Карамзин ознакомился не только с поздними польскими хрониками, но и с «Анналами» Длугоша (которые не были известны Болтину) и с более ранней польской историографией — «Хроникой поляков» Кадлубека и так называемой «Великопольской Хроникой» (во времена Карамзина называемой «Хроникой Богуфала (или Богухвала)»). У Кадлубека и в «Великопольской хронике» говорится только о похищении Петром Влостовичем Володаря. Дублирование сюжета Карамзин нашёл у Длугоша и именно ему приписал выдумку. По мнению Карамзина, «Длугош, который обыкновенно выдумывает и дополняет, из одного случая сделал два»¹¹. Благодаря «Истории польского народа» польского просветителя Адама Станислава Нарушевича¹² Карамзину стал известен также рассказ о похищении русского князя в «Диалоге о житии св. Оттона, епископа Бамбергского», принадлежащем перу Герборда. Поскольку этот рассказ в основных моментах совпадает с рассказом Кадлубека, Карамзин изложил историю похищения Володаря Петром Влостовичем по ним¹³.

Вплоть до появления работы Линниченко историки довольствовались, главным образом, рассказом Кадлубека, и никто специально не занимался нашим сюжетом¹⁴. Ещё раз «сличить все описания плена Володаря» Линниченко побудили как, с одной стороны, замеченные им расхождения в этих описаниях, так и, с другой стороны, новые критические публикации и исследования «Диалога» Герборда и польских хроник, а также введение в научный оборот нового источника, упоминающего то же событие, — «Хроники» Ортлиба Цвифальтенского¹⁵. Это «сличение» привело его к следующим выводам. Наиболее раннее свидетельство «Хроники» Ортлиба Линниченко признавал как в принципе достоверное, но слишком общего характера. Подробностям похожих рассказов Герборда и Кадлубека историк не считал возможным доверять, поскольку, хотя оба рассказа и были записаны ещё в XII в., они несут явно легендарные черты. Ещё более далеки от реальности, по мнению Линниченко, данные поздних польских хроник¹⁶. Специально он остановился на анализе известий Длугоша и констатировал, что у того «вся история плена Володаря страшно спутана». Путаница произошла из-за того, что Длугош имел перед собой два рассказа о плене русского князя — один у Кадлубека (с упоминанием Петра Влостовича), другой в русской «неизвестной нам летописи южного извода». Первый рассказ он по каким-то причинам отнёс к Ярополку (под 1134 г.), сохранив описание «подвига» польского вельможи, а второй изложил под 1122 г. применительно к Володарю, «исключив из рассказа участие Петра». В том, что рассказ Длугоша о Володаре происходил из русской летописи, Линниченко убеждали «необыкновенно точные подробности» этого рассказа, а также «почти одинаковая» передача его в «Истории российской» В. Н. Татищева, который с «Анналами» Длугоша знаком не был, но который, как выходило, тоже

¹⁰ Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I. С. 254–261; Болтин И. Н. Критические примечания на второй том Истории князя Цербатова. СПб., 1794. С. 144–149.

¹¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 281.

¹² Narusiewicz Adam. Historyi narodu Polskiego. Warszawa, 1783. Т. III. Str. 232–236.

¹³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. С. 97.

¹⁴ Например, С. М. Соловьёв лишь коротко пересказывает историю пленения Володаря по книге Рёпеля (Roepell R. Geschichte Polens. Hamburg, 1840. Bd. I. S. 266), где она изложена в основном по Кадлубеку с добавлением некоторых деталей из более поздних источников: Соловьёв С. М. История России с древнейших времён // Соловьёв С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. I. Т. II. С. 393, 682.

¹⁵ В издании А. Белёвского (A. Bielowski) «Monumenta Poloniae Historica» (Т. II. Lwow, 1872). Ср. также критический разбор «Диалога»: Петров А. Гербордова биография Оттона, епископа Бамбергского // ЖМНП. СПб., 1882–1883. Т. 222–227.

¹⁶ Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Приложение. С. 2–6.

пользовался некоей «неизвестной нам» летописью. Таким образом, «наиболее достоверные сведения о плене Володаря» историк считал возможным извлечь «из источников позднейших»¹⁷.

После работы И. А. Линниченко только известия Длугоша о пленениях русских князей подвергались специальному разбору¹⁸. Практически все учёные, которые касались этого вопроса, соглашались с двумя положениями Линниченко. Во-первых, ни у кого не возникло никакого сомнения в том, что рассказ об «увозе» русского князя Петром Влостовичем Длугош, действительно, взял из «Хроники поляков» Винцентия Кадлубека и перенёс на Ярополка (с неизбежными и явными противоречиями и следами обработки первоначального рассказа). Во-вторых, представляется по меньшей мере весьма вероятным, что в той части хроники Длугоша, которая охватывает конец 10-х — 20-е годы XII в., отразился «цикл» или «блок» юго-западных известий, происходящий из некоей древнерусской летописи, которой пользовался Длугош и которая излагала события ранней галицко-волинской истории подробнее, чем дошедшие до нас своды¹⁹. Даже М. С. Грушевский, который, по его собственным словам, относился «в целом пессимистически» к идее об использовании утраченных русских летописей в позднейших компиляциях, именно в известиях Длугоша 20-х годов XII в. видел «какой-то подлинный русский, утраченный для нас, источник». Правда, признавая справедливость большей части заключений И. А. Линниченко, Грушевский считает, что тот «совершенно напрасно» сопоставляет известие Длугоша с татищевским: на самом деле, их сходство объясняется тем, что В. Н. Татищев переписывал Стрыйковского, который в свою очередь заимствовал из «Анналов»²⁰. Это наблюдение украинского историка очень важно, однако делать на его основе безоговорочный вывод, что у Татищева не было каких-то других источников — в том числе, возможно, и несохранившихся летописей — было бы неосторожно. В любом случае замечание Грушевского побуждает ещё раз обратиться к «Истории российской», тем более что со времени трудов Линниченко и Грушевского были достигнуты значительные успехи в изучении наследия Татищева, позволяющие выносить суждения более обоснованные. Достаточно только сказать, что обоим исследователям не была известна первая редакция «Истории». Как о татищевском известии, так и о соображениях исторического характера, к которым приводит совокупный анализ всех источников, в настоящей статье пойдёт речь несколько позже. Рассмотрим сначала древнейшие немецкие и польские данные и историю рассказов о Володаре и Петре Влостовиче в польском историописании.

Древнейшие немецкие и польские известия

Интересующее нас сообщение «Хроники» Ортлиба Цвифальтенского принадлежит перу, собственно, не Ортлиба, который закончил это произведение в 1138 г., а по-видимому, кого-то из монахов Цвифальтенского монастыря (в Швабии, теперь в земле Баден-Вюртемберг), кто ездил в Польшу в 1140—1141 г. по приглашению Саломеи, вдовы Болеслава III Кривоустого (умершего 28 октября 1138 г.),

¹⁷ Там же. С. 4, 7—10.

¹⁸ Разные известия о пленении Володаря учитывает Н. И. Щавелева в комментариях к изданным ею отрывкам из польских хроник (наиболее подробно в комментарии к отрывкам из «Хроники» Кадлубека: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарии. М., 1990. С. 115—119). За исключением ссылок на некоторые современные польские работы, её высказывания едва ли прибавляют что-то новое к наблюдениям И. А. Линниченко. При этом исследовательница явно слишком доверчиво относится к публикуемым ею польским хроникам, которые (особенно сочинение Кадлубека) на самом деле страдают идеологической односторонностью и — что касается известий, относящихся до Руси, — путаностью в изложении фактов.

¹⁹ См.: *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. С. 40—53. Последний раз аргументы в пользу обоих этих выводов подобраны Н. И. Щавелевой и А. В. Назаренко в комментарии к русскому переводу отрывков «Анналов» (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI). С. 416—422). Ср. вывод Б. М. Клосса, автора вводной статьи «Русские источники I—VI книг Анналов Яна Длугоша», что галицко-волинские сообщения взяты Длугошем из «особой версии южнорусской летописи, по-разному отразившейся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях». В основе этого источника, по мнению Б. М. Клосса, лежал Киевский свод 1198 г. «особой редакции (отличной от Ипатьевской летописи)», дополненный смоленскими известиями первой трети XIII в. (Там же. С. 48—49, 52).

²⁰ *Грушевский М. С.* История України-Руси. Вид. 2. Львів, 1905. Т. II. С. 573—574.

происходившей из Швабии, и кто в начале 40-х годов XII в. внёс в текст «Хроники» два дополнения (*additamenta*). Первое из этих дополнений посвящено рассказу о том, как в распоряжении Саломеи оказалась великая христианская реликвия — рука святого Стефана²¹. Из текста выясняется, что её муж, Болеслав, в своё время получил эту реликвию от «богатейшего польского вельможи по имени Патриций» (*ditissimus Boloniorum princeps nomine Patricius*). Этот вельможа за свои «ужасные злодеяния» (*scelerum execrabiles nequities*) расплачивался щедрыми пожертвованиями в пользу церкви вследствие специальной епитимьи, наложенной на него Папой и польским епископатом. В частности, он должен был воздвигнуть на свои средства не менее семидесяти церквей, а также основать монастыри. Поместье, которое он получил от Болеслава за руку св. Стефана, предназначалось как раз для обеспечения одного из монастырей.

Наибольший интерес для историка Древней Руси представляет рассказ о двух из тех «преступлений», которыми отличился «Патриций»²². Первым злодеянием «Хроника» называет обман, с помощью которого «Патриций» устроил выгодный брак. «Во времена Генриха IV и славного герцога (*dux*) Польши Болеслава» (Кривоустого) некий русский князь (*rex Ruthenorum*), женившийся на дочери «одного из знатнейших вельмож греков» (*quidam ex nobilissimis principibus Graecorum*) и получивший с ней богатейшее приданое, в частности, ту самую реликвию, решил выдать свою дочь от этого брака за «одного из знатнейших владетелей Польши» (*cuidam nobilissimorum Boloniae tyrannorum*). Посредником или сватом (*coniunctionis ac desponsationis paranimphus*) в этом браке должен был выступить «Патриций», который, однако, повёл это дело предательски (*perfidus desponsator*) и забрал себе невесту с приданым, частью которого, как надо понимать (прямо этого не говорится), и была рука св. Стефана. «После того, как была достигнута эта цель, — продолжает рассказчик, — он оказался виноватым и в другом грехе величайшего вероломства (*alio quoque maximae perfidiae veneno est infectus*). Ибо он обошёл коварством некоего русского князя, враждовавшего с герцогом польским, его господином (*nam quendam Rusziae regem contra Boloniorum ducem dominum suum inimicitias agentem fraude circumvenit*)²³. И после того, как дал ему (русскому князю. — П. С.) клятву верности (*fidem iusiurandi fecerat*), после того, как перешёл к нему на службу (*se in dominium ipsius tradiderat*), после того, как стал воспреемником его сына, его же, не подозревавшего злого умысла, выдал в руки врагов (*in manus adversariorum tradidit*), которые его заточили и приговорили к выдаче за огромные сокровища».

Никто из историков, комментировавших это известие, не сомневался, что под «Патрицием» надо понимать польского магната Петра Влостовича, а под русским князем, «враждовавшим» с Болеславом, — Володаря перемышльского, поскольку рассказ в целом согласуется с тем, что известно о них из других источников, и во всяком случае ни о каком другом подобном случае пленения русского князя сведений нет (если не считать мифическое похищение Ярополка). Мнения расходятся по поводу того, о дочери какого русского князя говорится в рассказе о первом «предательстве» польского вельможи. Мы разберём эти мнения ниже, а сейчас сформулируем несколько предварительных наблюдений относительно обстоятельств второго «злодеяния».

Во-первых, автор, который оказался в Польше в то время, когда герой его рассказа, очевидно, располагал возможностями и средствами для занятий благотворительностью, то есть ещё до его падения и казни, описанных в статье 6653 г. Ипатьевской летописи, не обнаруживает к польскому вельможе никакой симпатии, кроме, может быть, сочувствия к его раскаянию и церковным пожалованиям. Деяние,

²¹ См. в лучшем издании с максимальным учётом рукописной традиции и переводом на немецкий язык: Die Zwifalter Chroniken Ortliebs und Bertholds, herausgegeben, übersetzt und erläutert von L. Wallbach, E. König und K. D. Müller, Sigmaringen, 1978 (Nachdruck der 1. Auflage 1941). S. 124–127.

²² См. русский перевод этого рассказа: Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. С. 67–68; Приложение. С. 2. Цитируем этот перевод с некоторыми поправками. Заметим сразу, что и у Ортлиба, и у Герборда, как и в других немецких латиноязычных источниках, принята следующая терминология: титул *dux* прилагается к представителям Пястовской династии, *rex* — к русским князьям, а словом *princeps* обозначается вообще человек знатного происхождения и выдающегося положения.

²³ «Его господин»: то есть Болеслав — господин «Патриция» (ср. в следующей фразе, где он у Володаря *in dominium*).

свершённое по отношению к русскому князю, однозначно осуждается. Во-вторых, хотя прямо говорится, что поляк перешёл к русскому князю «на службу», подчёркивается близкий и даже интимный (крестины княжеского сына) характер отношений, которые между ними сложились. В-третьих, как будто в согласии с летописным сообщением утверждается, что русский князь был освобождён из «заточения» за значительный выкуп.

Обратимся к свидетельству другого немецкого источника, относящемуся к несколько более позднему времени. Герборд был монахом аббатства св. Михаила около Бамберга (в Баварии) и писал житие Оттона, епископа Бамбергского, в 1158—1160 г. Герборд использовал два других более ранних жития Оттона (монаха Эбона и анонимную *Vita Prieflingensis* — «Прюфенингское житие»), и по сравнению с ними его сочинение более позднее. Но это не значит, что его данные менее достоверны²⁴, тем более в нашем случае его известие стоит особняком: оно не содержится в других житиях, и его Герборду сообщил монах Зефрид (*Sefrid*), который был вместе с Оттоном во время первой поездки последнего к поморянам по приглашению Болеслава III в 1124—1125 г., а возможно и во второй, состоявшейся около 1128 г. Разумеется, между путешествиями Оттона и Зефрида и записью известия прошло довольно много времени, и нельзя исключать того, что первоначальный рассказ прошёл какую-то обработку Герборда, но всё же его информацию надо рассматривать как аутентичную.

О пленении Володаря Герборд рассказывает в довольно обширном отступлении, которое посвящено «Померании» и борьбе с поморянами Болеслава III, всячески прославляемого автором²⁵. Приступая к описанию этой борьбы, частью которой были попытки Болеслава христианизировать поморян (в этом и была цель поездок Оттона), Герборд указывает, что сначала польский князь должен был «усмирить» своих внешних врагов и, прежде всего, — русских, «жестокий и грубый народ», которые «при поддержке флавов (*Flavorum*, то есть половцев. — П. С.), пруссов и поморян сильнее и дольше сопротивлялись ему». Средством урегулирования отношений с русскими был брак Болеслава на дочери их «короля» (*rex*). Однако она вскоре умерла, и отношения снова обострились. В этом известии историки видят отражение реальных фактов — брака Болеслава и Сбыславы, дочери Святополка Изяславича, киевского князя. Вместе с тем, очевидно, что представления автора «Диалога» о русско-польских отношениях были весьма туманны²⁶. Об этом говорят разные детали: например, мифический союз русских с пруссами и поморянами или то обстоятельство, что от имени всех русских выступает только один «король». В следующем рассказе именно этот «король» оказывается похищен польским рыцарем²⁷.

«Болеслав, уstraщённый свирепостью русских, — пишет Герборд, — совещался со своими, каким образом можно было бы прекратить это новое зло. У него был воевода (*ductor milicie*) Пётр, муж, одинаково отличавшийся мудростью и силой, так что было сомнительно, был ли он лучше на войне или в совете, но был он поставлен герцогом начальником над воинами. Позванный на совет, он сказал: если бы русские боролись только своими силами, мы бы без труда их одолели. Но у них есть половцы, пруссы, а также поморяне, языческий, враждебный и совершенно необузданный народ. Насколько сложно с ними всеми воевать одновременно, мы уже поняли, хотя когда-то мы и побеждали их. Поэтому моя мысль заключается в том, что русских надо одолеть хитростью. И чтобы никто не подумал, что это невозможно, я сам пойду к ним и принесу нам бескровную победу над [их] правителем, если Бог

²⁴ См. подробнее сравнение всех трёх биографий Оттона: Wikarjak J. *Żywoty Ottona jako źródło historyczne* // Wikarjak J. *Pomorze zachodnie w żywotach Ottona*. Warszawa, 1979.

²⁵ См. в лучшем издании: Herbordi Dialogus de vita s. Ottonis episcopi Babenbergensis / Ed. J. Wikarjak, K. Liman // Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe Polski). S. n. Varsoviae, 1974. T. VII. Fasc. III. P. 62—68. Ср. немецкий перевод: Herbords Leben des Bischofs Otto von Bamberg, nach der Ausgabe der Monumenta Germaniae übersetzt von Hans Prutz, 2. Aufl. neu bearbeitet von W. Wattenbach. Leipzig, 1894. S. 61—64.

²⁶ А. Петров, специально разбиравший данные Герборда, касающиеся Руси, пришёл к выводу, что только известия о браке Болеслава и о похищении русского князя «можно считать за достоверные», «все остальное... есть результат комбинации» Герборда и «совершенно неверно» (Петров А. Гербордова биография Оттона, епископа Бамбергского. С. 371).

²⁷ На русский язык рассказ был переведён А. Петровым, однако с некоторыми неточностями и сокращениями (Там же. С. 370). Приводим этот перевод с исправлениями, дополняя пропущенные места.

вразумит меня. Одним словом, герцог и вельможи склонились к тому, чтобы проверить, оправдаются ли слова Петра. Взяв с собой около тридцати сильных мужей, Пётр под выдуманным предлогом перешёл к королю русских (*regem Ruthenorum*) и обманными речами заставил того поверить, что думает плохо о герцоге. И король доверился (*fidem haberet*) человеку, которого посчитал мудрым, приблизил его к себе и стал давать ему разные поручения (*ad multa negocia sua eius familiaritate usus*), надеясь с его помощью наконец восторжествовать над всей Польшей. Но у Петра на уме было другое. Когда однажды мнимый перебежчик и его сообщники (*fictus transfuga ipsiusque socii*) были с королём на охоте в лесу, король, который не подозревал ничего дурного, преследуя зверя, оказался вдали от населённых мест и от прочих людей, и около него остались только Пётр и его [сообщники]. Используя эту возможность для пленения короля, он, как обещал, доставил своему господину герцогу бескровную победу над русскими. И чудесным образом благодаря этому деянию свирепый народ был так укрощён, что никогда больше при жизни герцога не помышлял о войне. Ибо король за свой выкуп должен был отдать всё, что имел в своих сокровищницах, скопленное трудом и умением предков, — золото, серебро и прочее драгоценное в виде посуды и одежды и разных предметов искусства (*in vasis et vestibis et variis opum speciebus*), и это было привезено в Польшу на телегах и верблюдах. И так вся Русь впала в необыкновенную бедность. Потом, когда король и русские вельможи скрепили клятвой долгосрочный мирный договор, они должны были накрепко обещать в будущем не оказывать никакой поддержки поморянам».

Этот рассказ существенно подробнее сообщения «Хроники» Ортиба и отличается от него. Сразу бросаются в глаза несколько обстоятельств. Во-первых, здесь явно присутствуют элементы домысла Герборда или его информатора, связанные с идеей о совместной борьбе русских и поморских славян против Польши²⁸. Во-вторых, поступок Петра здесь не только не осуждается, но даже превозносится как подвиг на благо родины и представляется не как частное дело вельможи, но как деяние, согласованное с Болеславом. Есть и черты, которые сближают свидетельства обоих источников, но к детальному сопоставлению их мы перейдём после того, как рассмотрим последнее древнейшее сообщение о плене Володаря перемышльского, которое находится в «Хронике поляков» Винцентия Кадлубека (Кн. III. Гл. 20). Сразу заметим, что, согласно современным польским историкам, ни цвифальтенская «Хроника», ни «Житие Оттона» в средневековой Польше известны не были²⁹, и это создаёт благоприятные условия для извлечения объективной информации путём сравнения независимых источников.

В «Хронике» практически отсутствуют точные даты, и по относительной хронологии излагаемых событий это сообщение относится к 10–20-м годам XII в. Начинается оно с утверждения, что «русский князь Владарий» (*Rusie princeps Wladarides*) из зависти к внешнеполитическим успехам Болеслава (непосредственно перед этим речь идёт об отношениях Польши с чехами и немцами) начинает подговаривать соседей выступить против него, чтобы освободиться от его власти, несущей им рабство³⁰. Предупреждая выпад Володаря, Болеслав созывает «сенат» для принятия решения о противодействии русскому князю. На совете выступает «некий [муж] древнего княжеского рода и близкий достоинством князю (*quidam alti sanguinis princeps et principi dignitate proximus*), муж благородного великодушия, столь же энергичный в действии, сколь и находчивый разумом» по имени Пётр Влостович (*Petrus Vlostides*), который «узел сомнения не рубит, не разрывает, а спасительным образом развязывает». Далее Кадлубек влагает в уста Петра Влостовича длинную речь, наполненную риторическими фигурами и символическими сравнениями, смысл которой сводится к тому, что подавление «восстания» надо

²⁸ Некоторые польские историки допускали реальность союза русских и поморских славян. Была даже выдвинута мысль, что Володарь был женат на поморянке. Однако, кроме Герборда, односторонний взгляд которого в данном случае очевиден, другие источники никаких оснований для такого рода предположений не дают. Ср.: Kościelak L. Związki dynastyczne pomorskie-ruskie w XII wieku // Zapiski historyczne. T. XLVIII. Z. 1/2. Toruń, 1983. S. 196–198.

²⁹ См.: Plezia M. Palatin Piotr Włostowic. Wrocław, 1947. S. 35, 63. Разумеется, цвифальтенская «Хроника» и «Житие Оттона» также возникли независимо друг от друга.

³⁰ Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum / Ed. M. Plezia // Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe Polski). S. n. Cracoviae, 1994. T. XI. P. 108–109. Цитируем русский перевод: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 100–102.

начинать с «самой головы», то есть самого Володаря «раньше всех надо захватить». «Затем в сопровождении небольшого, но отборного отряда он (Петр. — П. С.) отправляется на Русь; притворяется перебежчиком (*titulum transfuge simulat*), говорит, что не может переносить грубости князя, жалуется, что принуждён [к этому] обидами, уверяет, что для храброго мужа слаще беды изгнания, чем домашняя роскошь». Володарь радуется прибытию вельможи, который поможет бороться с поляками, а сами люди Петра остаются в неведении относительно истинных его замыслов. «Так одновременно и к делу приступает и замысел открывает. Внезапно во время пира хватает Владария, за волосы вытаскивает из-за стола, валит на землю и распростёртого связывает, а связанного уносит» к Болеславу.

Отдельное сообщение в главе 22 той же книги посвящено описанию мести сына этого «Владарида» за несчастье отца. Здесь рассказывается о взятии русскими польской крепости Вислицы с помощью предательства некоего «паннонца», то есть венгра. Мы не будем касаться этого рассказа, который позднее был связан с Борисом, претендентом на венгерский престол, и оброс легендами. Отметим только, что этот рассказ не имеет никаких параллелей в русских источниках, но был известен русской историографии XVII—XVIII в. через поздние польские хроники. У Кадлубека этот рассказ начинается с сообщения об освобождении «Владарида» его сыном, который «все личное имущество и сокровища казны отдаёт в выкуп за отца».

Кадлубек писал в самом конце XII в. Идею направленность его произведения определяет ярко выраженная тенденция прославления Польши и её правителей, а стилю свойственна литературная вычурность. Несмотря на то что всё это заставляет осторожно отнестись к данным Кадлубека, всё-таки их надо учитывать хотя бы потому, что его версия интересующего нас события похожа на рассказ Герборда. Различие между этими двумя авторами в данном случае, собственно, только в одном — каким именно образом Пётр похитил Володаря. Герборд говорит, что это произошло на охоте, Кадлубек — прямо во время пира. Это отличие явно не в пользу достоверности «Хроники», поскольку похищение, выполненное таким образом, выглядит в условиях того времени совершенно неправдоподобно³¹. В этой связи многозначительным выглядит также умолчание Кадлубека о последующей судьбе Петра Влостовича: не обмолвившись ни словом о его опале и казне при Владиславе, Кадлубек навлекает подозрения в сознательном возвеличивании вельможи как «национального героя». Эти подозрения, подкреплённые некоторыми косвенными соображениями, даже дают основания известному современному польскому историку Янушу Беньяку, который специально занимался историей рода Лабендзов, основанного Петром Влостовичем, считать, что Кадлубек сам и происходил из этого рода³². Не слишком доверяя рассказу Кадлубека, Беньяк «совпадающую с ней в общих чертах» версию Герборда считает «выражением официального мнения». Основания для такого суждения просты: информатор Герборда (как указывалось выше, по всей видимости, монах Зефрид) был вместе с Оттоном в 1124 г. по меньшей мере неделю в Гнезно в гостях у Болеслава и будущего архиепископа Якуба. Скорее всего, именно там он и услышал историю о пленении русского князя от «тогдашней властной элиты», в которую в тот момент входил и Пётр Влостович³³.

Таким образом, согласно «официальной» версии, отразившейся у Герборда и Кадлубека³⁴, «переход» польского вельможи был с самого начала задуман как хитрая военно-политическая акция и

³¹ Об этом совершенно справедливо писал И. А. Линниченко, считая легендарной и версию Герборда. «Каким бы образом, — спрашивал историк, — возможно было провести через всю перемышльскую землю Володаря?» (Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Приложение. С. 6).

³² Из всех гипотез о происхождении Кадлубека, которое ясно не зафиксировано в источниках, эта выглядит наиболее обоснованно: *Bieniak J. Polska elita polityczna XII w. (Część III A. Arbitrzy książąt — Krąg rodzinny Piotra Włostowica) // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. Warszawa, 1990. Т. IV. S. 49.* За указание на эту, а также на другие работы Я. Беньяка приношу глубокую благодарность Б. Н. Флоре.

³³ Ibidem. S. 40.

³⁴ Крупнейший знаток рукописной традиции разного рода произведений о Петре Влостовиче Мариан Плезя называл версию Кадлубека «придворной» (*Chronica Petri comitis Poloniae wraz z tzw. Carmen mauri, ed. M. Plezia // Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe Polski). S. n. Cracoviae, 1951. Т. III. Р. XXI.*)

одобрен Болеславом. И этот элемент — основной для этой версии — надо признать легендой, придуманной *ex post* для оправдания поступка Петра Влостовича³⁵. Более ранний вариант Герборда выглядит как будто несколько более правдоподобно (захват князя не во время пира, а на охоте) и, возможно, сохранил какие-то реальные детали: например, численность отряда, который Пётр взял с собой, особое доверие, которое русский князь оказывал ему, а также заключение мирного договора между Польшей и Русью. Хотя нельзя исключать, что и в ещё более тенденциозном рассказе Кадлубека тоже, пусть и искажённо, отразились реальные факты. Так, может быть, хронист «проговорился», когда упомянул, что сопровождавшие Петра не знали об истинных целях его «перехода» на службу к русскому князю (на самом деле они не могли их знать, поскольку эти «истинные намерения» перебежчика — более поздняя выдумка).

Радикальное расхождение рассказа «Хроники Ортлиба» с этой версией в оценке деяний Петра объясняется тем, что монахи Цвифальтенского монастыря услышали эту историю из других кругов и в другой политической ситуации. В то время когда они прибыли в Польшу к своей покровительнице вдовствующей княгине Саломее, её отношение к Петру было политически обусловлено и не могло не быть отрицательным. В правление Владислава II, сына Болеслава Кривоустого от первого брака со Сбыславой, Пётр занимал высшую государственную должность палатина (вплоть до опалы в 1145 г.) и олицетворял политику сеньората, провозглашённого завещанием Болеслава. Между тем, сыновья Болеслава от второго брака с Саломеей — так называемые «юниоры» — чувствовали себя обделёнными и при поддержке матери стремились к перемене политического порядка (что, разумеется, привело в конце концов к конфликту с Владиславом). В этих условиях Саломея, естественно, рассматривала Петра Влостовича как своего политического врага и, наверняка, старалась представить его биографию в невыгодном свете³⁶. Именно в этом причина того, что тот поступок, который у Герборда и Кадлубека расценивается как подвиг во благо отчизны, у продолжателя Ортлиба представлен как великое злодеяние и предательство. Тенденциозность этой версии проявляется в том, что в ней вообще не упоминается Болеслав: между тем, в заточении Володарь должен был пребывать именно у него, и его, очевидно, не могли обойти стороной выплаты за освобождение русского князя. Тем не менее, поскольку главный искажающий дело элемент — ретроспективное оправдание Петра — в этом рассказе отсутствует, в целом его следует признать более достоверным. В пользу достоверности сведений «Хроники Ортлиба» говорит и тот факт, что есть независимые данные о связи семьи Петра с Византией — об этом говорит, прежде всего, написание с использованием кириллических букв имени его дочери Агафьи в тимпане костёла монастыря в Олбине³⁷.

Если обобщить всю информацию, которую мы можем почерпнуть из всех трёх разобранных нами источников, отбрасывая явно легендарные черты, мы получим следующую картину. Общим для всех рассказов о переходе польского вельможи на службу к русскому князю и затем пленении последнего является указание, что этот вельможа изначально занимал высокое положение в Польше при дворе Болеслава III. Все говорят о полноценном (формальном) переходе Петра от польского князя на службу русскому, о том, что он у нового господина также занял видное и доверенное положение, и о том, что

³⁵ Именно так считал И. А. Линниченко, который, правда, исходил из общих соображений. Не зная точно обстоятельств возникновения каждого из рассказов и не располагая, естественно, теми сведениями о Петре Влостовиче, которые были по крупицам собраны позднейшими исследователями (см. ниже), Линниченко тем не менее верно ухватил суть дела и делал следующее заключение: «...рассказ о преднамеренном бегстве Петра к Володарю с целью его похитить составлен уже позже, для возвеличения польского богатыря (самая мысль похищением князя прекратить войну кажется странною, да и как мог Петр мечтать о похищении Володаря из его собственного княжества?)» (Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Приложение. С. 11–12). Однако его мнение не было учтено в последующей историографии, и один историк за другим, доверяясь Кадлубеку, повторяют мысль, что похищение Володаря было спланированной целенаправленной акцией Болеслава, стремившегося ослабить коалицию Мономаха и Ростиславичей (см., например: *Włodarski B.* Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego (1102–1138). S. 50–51; *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. С. 67–68).

³⁶ Ср.: *Chronica Petri comitis Poloniae wraz z tzw. Carmen mauri*, ed. M. Plezia. S. 40.

³⁷ В тимпане представлены Христос и предстоящие перед ним князь Болеслав (по одну сторону) и Агафья с мужем Якшей (по другую). См.: *Maczewska-Pilch K.* Tympanon fundacyjny z Olbina na tle przedstawień o charakterze donacyjnym. Wrocław, 1973. S. 10, 17–18, ilustr. 2–4.

он потом вернулся на службу к Болеславу. Также везде пленение русского князя представляется как дело рук Петра и упоминается значительный выкуп за освобождение Володаря. Отвергая легендарный рассказ, что Пётр сам пленил Володаря и привёз его в Краков, следует остановиться на формулировке цвифальтенской «Хроники», что поляк князя «передал в руки его врагов». В чью пользу поступили деньги, нигде прямо не говорится; продолжатель Ортлиба косвенно как будто намекает, что богатства «Патриция» связаны каким-то образом и с этим выкупом, а Кадлубек даёт понять, что его герой действовал бескорыстно и никакой личной выгоды из всего дела не извлёк. Я. Беняк, оценивая ситуацию в целом и исходя из общих соображений, полагает, что, «внешне приняв форму наказания (то есть епитимьи, о которой говорит продолжатель Ортлиба. — П. С.), осуществился раздел этого выкупа между тремя заинтересованными сторонами: Болеславом III, Петром Влостовичем и польскими епископами»³⁸.

Следующим этапом нашего исследования должен стать обзор бытования рассказов о Петре Влостовиче в польских хрониках вплоть до М. Стрыйковского, сочинение которого, как известно, сильно повлияло на труд В. Н. Татищева. Однако, прежде чем перейти к этому вопросу, мы предложим краткую биографию этого видного деятеля польской истории первой половины XII в., насколько она восстановлена трудами польских историков, особенно в новейших работах Я. Беняка, по самым разным источникам, включая землевладельческие акты, поминальные и вкладные записи, родовые предания и т. д.³⁹

Пётр Влостович происходил из силезской знати, возможно даже — в зависимости от того, каким образом трактовать указание на его статус Кадлубеком (*princeps*), — принадлежал к роду местных князей. К середине 10-х годов XII в. он выдвинулся в ряды ближайших сподвижников Болеслава Кривоустого. Если считать, что «злодеяния» Петра изложены в цвифальтенской «Хронике» в хронологической последовательности, то до 1122 г. он должен был жениться на русской княжне. Можно предположить, что этот брак стоял в какой-то связи с трениями Петра и палатина Болеслава Кривоустого Скарбимира, который в начале 1118 г. поднял бунт против своего князя. Вероятно, Владимир Мономах и братья Ростиславичи поддержали Скарбимира, однако уже в 1118 г. тот примиряется с Болеславом, который оказывает поддержку Ярославу Святополковичу, вынужденному из-за конфликта с Мономахом в том же 1118 г. бежать из своего Владимира-Волынского. Я. Беняк предполагает, что после бунта Скарбимира высшая в тогдашней Польше государственная должность палатина (воеводы) перешла к Петру Влостовичу (ср. указание Герборда, что тот был *ductor milicie*), но после примирения Болеслава и Скарбимира эта должность вернулась к последнему, и это обстоятельство, скорее всего, и послужило главной причиной разрыва отношений между Болеславом и Петром⁴⁰. Таким образом, где-то между 1118 и 1122 г. будущий пленитель Володаря должен был перейти к нему на службу (Я. Беняк, не указывая причин, склоняется к тому, что это произошло скорее в 1121 г., но исходя из общих соображений логичней всё-таки отнести переход ближе к 1118 г.). Перемышльский князь, зная о раздорах в польской элите в связи с бунтом Скарбимира, должен был воспринять этот переход как дело естественное. Но, в конце концов, Володарь оказался в каком-то смысле заложником политических игр Петра и его отношений с Болеславом и Скарбимиром. Пленённый или, точнее, выданный «в руки врагов» князь был своего рода трофеем, который должен был восстановить доверие между беглым вельможей и правителем Польши.

В 1122 г. Пётр Влостович возвращается в ряды польской знати и позднее, после смерти Скарбимира (около 1130 г.), занимает должность палатина. При Владиславе II в начале 40-х годов он продолжает оставаться в числе виднейших польских «можновладцев», но в конце 1145 г., будучи замешан каким-то образом в конфликте князя с его сводными младшими братьями («юниорами»), попадает в опалу,

³⁸ Bieniak J. Polska elita polityczna XII w. (Część III A. Arbitrzy książąt — Krąg rodzinny Piotra Włostowica). S. 41.

³⁹ См. указанную работу Я. Беняка, а также: Bieniak J. Polskie rycerstwo średniowieczne: Wybór pism. Kraków, 2002. S. 226–230. Ср. также: Trawkowski S. Piotr Włostowic // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa, 1981. T. XXVI/1. S. 355–358. Обзор некоторой более ранней литературы дан Н. И. Щавелевой (см.: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 115–116; Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). С. 421–422. Не учтены Щавелевой оказались важные замечания Х. Ловмянского: *Lowmiański H. Początki Polski*. Warszawa, 1985. T. VI. Cz. 1. S. 268–286.

⁴⁰ Ср.: Bieniak J. Skarbimir // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa, 1997. T. XXXVIII/1. S. 29.

подвергается казни (способ которой — «поток и разграбление» — говорит о том, что обвинялся в политической измене) и, о чём сообщает только русская летопись, уходит «в Русь». По уходе в 1146 г. Владислава в Германию, Пётр возвращается в Польшу, снова занимает должность палатина и сохраняет одно из первых мест при дворе Болеслава IV Кудрявого вплоть до своей смерти 16 апреля 1153 г.⁴¹

Отдельный вопрос — это женитьба Петра Влостовича на русской княжне. Вкладные и поминальные записи, а также надпись в тимпане Олбинского аббатства подтверждают тот факт, что Пётр был женат на русской, и даже сообщают её имя — Мария (неизвестно, умерла она до или после смерти мужа, но точно не ранее 1149 г.). Указание продолжателя Ортлиба, что при заключении брака «Патриций» перешёл дорогу «одному из знатнейших владетелей Польши», заставляет историков относить эту историю ко времени конфликта Петра и Скарбимира. Тот же источник говорит, что жена Петра была дочерью русского князя от брака с дочерью «одного из знатнейших вельмож греков». В начале XII в. на гречанках были женаты Святополк Изяславич киевский и Олег Святославич из черниговской ветви: первый — на византийской царевне Варваре, дочери императора Алексея Комнина, второй — на Феофане из рода Музалон⁴². К концу 10-х годов XII в. возможные дети от обоих браков уже могли достичь возраста, достаточного для женитьбы/замужества. Оба княжеских дома — и киево-волинско-туровский, и черниговский — имели династические связи с Польшей, и в принципе оба варианта происхождения жены Петра могут рассматриваться как равноправные. Соответственно, в литературе и присутствуют две версии⁴³. Правда, если понимать слова цвифальтенской «Хроники» (греческий вельможа, но не император!) буквально, то черниговский вариант выглядит более предпочтительно.

Нельзя также не обратить внимания на то, что рассказ Герборда, основанный на впечатлениях Зефрида, побывавшего в Польше в 1124 г., не упоминает о браке Петра, хотя это упоминание было бы нелишним для создания образа выдающегося вельможи при дворе Болеслава. Возможно, это говорит в пользу версии И. А. Линниченко, забытой польскими историками (или неизвестной им), согласно которой Пётр женился на русской княжне не до пленения Володаря, а после, когда прочно завладел первенствующим положением при дворе Болеслава Кривоустого⁴⁴. Линниченко считает, что польский вельможа, каким бы знатным он ни был, вряд ли мог жениться на дочери владетельного русского князя — черниговского или тем более киевского⁴⁵. Другое дело, когда Ярослав Святополчич и, видимо, его младшие братья были лишены своей «части» в Русской земле, а затем Ярослав и погиб в 1123 г., пытаясь вернуть её себе, тогда опеку над потомками Святополка Изяславича должен был взять на себя как раз Болеслав Кривоустый, и он-то и мог устроить брак дочери Святополка с одним из виднейших своих сановников. Попытка Линниченко связать заключение этого брака со сватовством и женитьбой Болеслава Кудрявого

⁴¹ Nekrolog Opactwa św. Wincentego we Wrocławiu / Ed. K. Maleczyński, B. Kürbis, R. Walczak // Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe Polski). S. n. Varsoviae, 1971. T. I. Fasc. 1. P. 38. Cf. xxxiii—xxxiv.

⁴² Baumgarten de N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle / Orientalia Christiana. Roma, 1927. Vol. X—1. Num. 35. P. 10—11, 18, 20.

⁴³ В более ранней литературе популярней была «киевская» версия (см., например: Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 123—124; Baumgarten de N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. P. 10—11), позднее возобладала «черниговская» (см., например: Włodarski B. Op. cit. S. 48—49; Паушито В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 151). В новейших генеалогических справочниках видим обе версии: Д. В. Донской придерживается первой (Донской Д. В. Справочник по генеалогии Рюриковичей (Donskoi D. Genealogie des Rurikides. IX—XIV вв. Rennes, 1991. Ч. 1. С. 47), Л. Войтович — второй (Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000; мы пользовались электронной версией книги: <http://litopys.narod.ru/dynasty/dyn.htm>). Я. Беньяк считает, что речь шла о дочери Олега, однако «перебил» невесту Пётра Влостович не у самого Скарбимира, а у кого-то из его сыновей. Впрочем, по мнению Беньяка, Скарбимир всё равно породнился с черниговским домом, выдав в 1124 г. дочь за Всеволода Давыдовича муромского (так трактуется известие русской летописи о том, что замуж за этого князя «ведоша ляховицу» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 288)). На каких основаниях покоится это мнение, неясно (Bieniak J. Skarbimir. S. 29—30). Женой Всеволода Давыдовича обычно указывается дочь Болеслава III (Baumgarten de N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. P. 18, 20).

⁴⁴ Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. С. 67—70.

⁴⁵ Вообще говоря, в домонгольское время браки русских князей с боярскими дочерьми известны (хотя это и единичные случаи). Случаи, когда бы княжна выдавалась замуж за человека, не принадлежавшего к какой-либо правящей династии, тем более за пределы Руси, неизвестны.

на Верхуслане, дочери Всеволода Мстиславича, в 1136 г.⁴⁶ выглядит совершенно неубедительно. Однако ему не было известно сообщение более поздней «Великопольской хроники» (ошибочно приписывавшей Петру происхождение из Дании — см. ниже), что Пётр «женился по распоряжению Болеслава на дочери какого-то князя русских, родственнице жены Болеслава»⁴⁷. Это сообщение говорит в пользу «киевской» версии, причём именно в модификации Линниченко. Правда, неясно, можно ли верить этому сообщению — реальные данные были смешаны в хронике с легендарными (см. ниже).

К сожалению, какое бы ни принималось решение о том, кто была жена Петра Влостовича, оно не поможет прояснить вопрос (которым, впрочем, историки и не задавались до сих пор), почему он перешёл именно к Володарю. Если считать, что поляк женился на дочери Святополка Изяславича до истории с Володарем, то в 1118—1121 г. он не мог перейти на службу к кому-либо из братьев своей жены, потому что никто из них в тот момент не имел удела в Руси. Если же он был женат на дочери Олега, то неясно, почему он не отправился, собственно, к кому-то из черниговских князей. Теоретически можно лишь предположить, что, перейдя к Владимиру Мономаху (или кому-то из его сыновей), Пётр едва ли мог рассчитывать на то, что ему удастся потеснить киевскую знать и занять достаточно высокое место. Зато при дворе перемышльского князя такое место было ему более доступно, туда он и пришёл.

Женитьба на русской княжне зато вполне объясняет, почему польский магнат после своего падения в конце 1145 г. отправился «в Русь». Это направление бегства было для него вполне естественным, и вариант Ермолаевского списка Ипатьевской летописи, отрицающий этот факт (см. выше), надо признать ошибочным. Куда именно он пришёл, можно предполагать в зависимости от того, какое происхождение приписывать его жене. Если считать её дочерью Олега, то надо думать, что Пётр пришёл в Киев, где в то время правил Всеволод Ольгович, сын Олега, а может быть, и в черниговскую землю; если дочерью Святополка, — то, скорее, он должен был прийти в Туров, где добился удела сын Ярослава Святополковича Юрий⁴⁸. В любом случае, понятно, что он должен был избегать Галицкой земли.

Указание на связь Петра Влостовича с Русью содержится ещё в одном источнике — в письме Бернарду Клервосскому Краковского епископа Матвея и комита Петра (*comes Petrus*), которого отождествляют с похитителем Володаря. Бернард интересовался, как можно было бы искоренить «нечестивые обычаи и обряды русских», и данное письмо, написанное в ответ на его послание, содержало подтверждение нечестия русского народа, который «Христа лишь по имени признаёт, а по сути в глубине души отрицает» и «не желает ни с греческой, ни с латинской церковью быть единообразным», и приглашение аббата для проповеди в славянских странах⁴⁹. Конечно, не случайно совпадение того факта, что в письме речь шла о русских, и авторства Петра, который явно выступал экспертом в вопросах, касавшихся Руси. К сожалению, неясно, было написано это письмо до казни и приезда в Русь Петра или после; его можно датировать в пределах между 1143 и 1153 г., возможно, около 1146 г., когда Бернард активно занимался подготовкой Второго Крестового похода⁵⁰.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 300.

⁴⁷ Щавелева Н. И. «Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987. С. 95.

⁴⁸ Правда, Юрий упоминается как туровский князь несколько позднее, в 50—60-е годы XII в.

⁴⁹ Щавелева Н. И. Послание епископа Краковского Матвея Бернарду Клервосскому об «обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976. С. 113—116. Перевод сделан по изданию: Plezia M. List biskupa Mateusza do św. Bernarda. List biskupa Mateusza do św. Bernarda // Prace z dziejów Polski feudalnej. Warszawa, 1960. S. 123—140. Ср. также новейшую работу, касающуюся письма: Kürbis B. Cystersi w kulturze polskiego średniowiecza. Trzy świadectwa // Kürbis B. Na progach historii. Poznań, 2001. S. 221—241.

⁵⁰ Ср. предположение А. Ю. Карпова, что утверждение письма об отказе русских быть «единообразными» не только с католиками, но и с греками, было «навеяно конфликтом с Константинополем непризнанного киевского митрополита Климента Смолятича» (Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006. С. 203). Пётр Влостович оказался на Руси после казни (в начале 1146 г.), действительно, как раз тогда, когда митрополичья кафедра в Киеве пустовала (митрополит Михаил покинул Киев в 1145 г.). Когда и почему начались трения между Константинополем и Киевом, неясно, но Изяслав Мстиславич, протектировавший Клименту, вокняжился в Киеве только 13 августа 1146 г. К концу 1146 г. Пётр уже должен был быть в Польше, то есть к моменту, когда созрело решение поставить на кафедру Климента без одобрения патриарха (Климент был поставлен в июле 1147 г.), его на Руси не было. Впрочем, сведения о конфликте Киева и Константинополя доходили, наверное, и до Кракова.

Данные Длугоша

Рассказ Кадлубека не был в средневековой польской литературе единственным отражением рассказов и легенд о Петре Влостовиче. Неординарная судьба польского магната, его высокое положение при дворе, действительно весьма значительные пожертвования его в пользу церкви, разветвившийся знатный род, им основанный, — всё это стало причиной возникновения не только устной традиции, но и литературных произведений о его деяниях. Так, один из древнейших примеров польской латиноязычной поэзии поэма «*Carmen mauri*» посвящена именно прославлению подвигов Петра. Это сочинение, которое было создано, видимо, в родовом монастыре, основанном Влостовичем, во второй половине XII в., сохранилось только в фрагментах, использованных при составлении в XVI в. уже совершенно легендарной «Хроники о Петре, комите Польши». К сожалению, ни «*Carmen mauri*», ни рассказы хроник XIII—XVI в. о Петре не сообщают дополнительных сколько-нибудь достоверных сведений о его пребывании в Перемышле и связях с Русью. Однако сведения более поздних польских хроник важны для нас постольку, поскольку они повлияли на сообщения Длугоша, заслуживающие особого внимания, и отразились в «Истории российской» В. Н. Татищева⁵¹.

Следующий после Кадлубека этап эволюции рассказов о Петре — большей частью легендарных, но в чём-то явно донесших и реальные сведения — связан с появлением на рубеже XIII—XIV в. двух польских хроник: так называемых «Польско-Силезской» (опиравшейся, видимо, на «*Carmen mauri*») и «Великопольской». Каждая из них включает известие Кадлубека о похищении Петром Влостовичем Володаря, но и добавляет новые данные о Петре, главным образом, о церковных учреждениях, основанных им, и разрыве его с Владиславом (в частности, передаётся легендарный рассказ о том, как во время княжеской охоты Пётр, в ответ на скабрёзную шутку князя, касавшуюся жены палатина, уличил в неверности собственную жену Владислава Агнешку). Однако «Великопольская хроника» принесла одно принципиальное новшество несколько иного рода, а именно: она сделала из Петра Влостовича две исторические фигуры. Передавая полностью известие Кадлубека в главе 28, она называет героем этой истории Петра Влостека из Ксёнжа (*de Kszancz*), о котором потом больше не упоминается. Совершенно независимо от этого эпизода в соседней главе (27) рассказывается о прибытии ко двору Болеслава III знатного датчанина по имени Пётр (*Pyotr de Dacia*), который унаследовал несметные сокровища и упросил Болеслава отправиться походом в Данию и вывезти оттуда эти сокровища. Затем (Гл. 32) применительно именно к этому Петру рассказывается о том, что он занимал должность комита, о церковных его пожертвованиях, конфликте с Владиславом и т. д.⁵²

«Раздвоение» Петра Влостовича в этой хронике связано, как показано Я. Беньком, с позднейшей легендой, сложившейся (видимо, в сер. XIII в.) в роду Лабендзов и делавшей происхождение рода — из Дании — более «престижным» и экзотическим. Хронист ссылается на некие «Деяния Петра» (*Pyotrkonis gesta*), в которых видят какое-то более древнее сочинение, посвящённое Петру Влостовичу, однако спорным и неясным остаётся, какого характера было это сочинение и какие сведения содержало.

Ян Длугош при составлении «Анналов» соединил сведения «Хроники поляков» Кадлубека, «Великопольской» и «Польско-Силезской» хроник, а также добавил некоторые новые данные о Петре

⁵¹ Подробный обзор древнейших источников, включая немецкие, и позднейших рассказов хроник о Петре Влостовиче дал М. Плезя в введении к публикации «*Carmen mauri*» и «Хроники о Петре» (*Chronica Petri comitis Poloniae wraz z tzw. Carmen mauri*, ed. M. Plezia // *Monumenta Poloniae historica* (Pomniki dziejowe Polski). S. n. Cracoviae, 1951. Т. III.). Сведения хроник анализирует также Я. Беньяк в связи с историей рода Лабендзов и возникновением и эволюцией их родовых преданий в XII—XVI вв. (*Bieniak J. Polska elita polityczna XII w. (Część III A. Arbitrzy książąt — Krąg rodzinny Piotra Włostowica)*. S. 13—32; *Bieniak J. Polskie rycerstwo średniowieczne: Wybór pism*. S. 215—230). Новейший обзор проблем, связанных с реконструкцией «*Carmen mauri*» и достоверностью поздних сведений о Петре Влостовиче, см.: *Cetwiński Marek. «Carmen Mauri», czyli efekt śnieżnej kuli* (referat wygłoszony na 13. Spotkaniach Mediewistycznych, 19. X. 2005) // www.mediewistyka.net.

⁵² *Kronika Wielkopolska* / Ed. B. Kürbis // *Monumenta Poloniae historica* (Pomniki dziejowe Polski). S. n. Varsoviae, 1970. Т. VIII. P. 38—40, 49—50. См. русский перевод: *Щавелева Н. И. «Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв.* С. 94—97, 107—108.

Влостовиче, черпая, видимо, из какого-то другого, пока не определённого, источника⁵³. Рассказ о «подвиге» Петра он, как уже выше говорилось, взял у Кадлубека, несколько расширив его за счёт несущественных добавлений и скорректировал вывод о значении «подвига»: дальнейшие не самые удачные для Польши войны с русскими (взятие Вислицы, поход Болеслава на Галич) Длугош расценил как справедливое возмездие за то, что в этой истории были попораны «право гостеприимства и международное право». К имени Петра Влостовича было добавлено определение «комит из Ксёнжа», но, главное, вся история была отнесена к Ярополку Владимировичу киевскому и датирована 1134 г.⁵⁴ Под 1124 г. Длугош рассказывает о Петре из Дании как основателе рода Лабендзов, опираясь на Великопольскую хронику, но и дополняя её, и называет его «датчанин, комит из Скиннино» (*Dacus comes de Skrzin*), отражая реальный факт существования родового поместья Лабендзов в Скиннино⁵⁵. Потом он ещё несколько раз упоминает Петра датчанина, в том числе в рассказе о его конфликте с Владиславом и казни. Таким образом, Длугош не только сохранил ошибочное разделение двух Петров на Влостовича, похитителя русского князя, и датчанина, основателя рода Лабендзов, но и усложнил дело, отнеся похищение к Ярополку.

Обстоятельство, наиболее интересное для нас в данном случае, — это то, что Длугош всё-таки рассказывает о пленении Володаря. Сообщение это у него помещено под правильной датой — 1122 г., но не упоминает не только никого из обоих Петров, но и вообще не называет имени того, кто стоял за этим деянием⁵⁶. Сообщение, аналогий которому в польских хрониках и вообще в польской средневековой литературе нет, в русском переводе выглядит следующим образом:

«Из-за того, что перемышльский князь Володарь часто нападал из крепости Перемышль на польские пределы и грабил их, польский князь Болеслав, отправив послов к Владимиру и другим князьям Руси, жаловался им на свои обиды, которые Володарь чинил Польскому королевству. Однако, поняв, что князья Руси делают вид, будто не замечают этих тяжких обид, приказывает своим воинам и военачальникам (*militibus et prefectis suis*), чтобы впредь они не оставляли своих обид неотомщёнными. Итак, воины, на которых польский князь возложил эту обязанность, идут против Володаря, грабящего польские пределы, начинают сражение и, победив его и убив его лучших воинов (*insignioribus suis militibus*), отбирают добычу, которую он вез из Польши, преследуют бегущего, настигают его в месте под названием Высокое (*in loco, qui Wysokýe appellatur*) и пленным приводят в Краков к польскому князю Болеславу, где некоторое время его держали в оковах. По прошествии времени в Краков прибывают послы перемышльского князя Василька и ведут переговоры о выкупе Володаря с польским князем Болеславом, который требовал за освобождение Володаря восемьдесят тысяч марок серебра; стовариваются, что за свободу Володаря заплатят двадцать тысяч [марок] серебра и, заплатив немедленно двенадцать тысяч [марок] серебра, в [заклад] остальных выплат оставляют заложником сына Ярослава (*Iaroslai filium*), а впоследствии выплачивают полный выкуп, собрав пятьсот серебряных сосудов, а именно *scultellis, picariis, ciphis* греческой работы. После освобождения Володарь примиряется с польским князем Болеславом и, заключив и скрепив клятвой союз как с ним, так и с Коломаном [братом] венгерского короля, Володарь двадцать второго июля возвращается»⁵⁷.

Выше уже говорилось, что современные исследователи практически не сомневаются в происхождении ряда известий Длугоша, касающихся галицко-волинской истории 10–20-х годов

⁵³ Joannis Dlugossi seu Longini canonici Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII / Ed. A. Przewdzicki. Cracoviae, 1873. Т. I. Р. 528–530, 547, 548–550; Cracoviae, 1873. Т. II. Р. 11–15, 24, 54. Ср. польский перевод с подробным комментарием К. Перадзки (K. Peradzka): Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1969. Księgi 3–4. S. 364–365, 390–392; Warszawa, 1973. Księgi 5–6, S. 22–32.

⁵⁴ Русский перевод этого известия см.: Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). С. 306–309.

⁵⁵ На русский язык была переведена только небольшая часть этого известия: Там же. С. 303–304.

⁵⁶ Joannis Dlugossi seu Longini canonici Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. Т. I. Р. 525. Ср. польский перевод: Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Księgi 3–4. S. 358–359.

⁵⁷ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). С. 301–302. Цитируем с небольшими поправками.

XII в., из утраченной летописи «южного» извода. В этот ряд попадает и данное сообщение. Согласно заключению Ю. А. Лимонова, проведшего сплошной анализ «русских» известий Длугоша в сравнении с русскими летописями, в статье 6653 г. Ипатьевской летописи содержится «отсылка к повествованию более раннему», которое сохранилось только в пересказе Длугоша: «для сообщений о Володаре, Петре Влостовиче, о плене и выкупе русского князя Длугош использовал неизвестные нам летописные известия». Делая этот вывод (к которому мы совершенно присоединяемся), Лимонов исходил из общей исторической оценки сообщения и из «внутренней» критики текста: по его мнению, на русский источник здесь указывает «не только обилие фактического материала, но и точная дата. Трудно предположить, чтобы Длугош взял произвольно дату второстепенного события, не содержащего абсолютно никакого фактического материала по истории Польши»⁵⁸. Между тем, благодаря информации «Хроники Ортлиба» и «Жития Оттона Бамбергского» Герборда мы можем подкрепить этот вывод сравнением независимых друг от друга источников.

С известиями обоих указанных произведений в сообщении Длугоша обнаруживаются точки соприкосновения. Что касается продолжателя Ортлиба, то здесь следует вспомнить его замечание о крещении «Патридием», то есть Петром Влостовичем, сына Володаря. Из этого замечания следует, что у князя родился сын именно в то время, пока поляк был на Руси. Поскольку его пребывание в Перемышле надо относить к 1118–1122 г. и, может быть, даже ближе к 1122 г., а известные по русским летописям и сообщениям Длугоша сыновья Володаря Владимир и Ростислав к этому времени должны были быть уже достаточно взрослыми⁵⁹, то можно сделать вывод, что кроме этих двух у перемышльского князя был, по крайней мере, ещё один сын, малолетний на момент смерти отца (если он, конечно, не умер в младенчестве). Напрашивается сопоставление этого вывода с упоминанием Длугошем «сына» Ярослава, которого Василько Ростиславич оставляет заложником в Польше, пока не будет выплачена полная сумма выкупа за Володаря. Чьим сыном был этот Ярослав, Длугош не говорит, но по контексту (в той же фразе несколько раз упоминается имя Володаря) ясно, что это сын Володаря. Да и по смыслу должно быть именно так, потому что, хотя послов для переговоров посылает Василько — видимо, как старейший среди потомков Ростислава на тот момент князь, — но трудно предположить, что заложником он оставил своего сына при наличии нескольких сыновей у брата⁶⁰. Если Пётр Влостович, действительно, имел отношение к плену Володаря и, действительно, был крестным отцом его сына, то логично предположить, что именно его малолетнего крестника Василько и оставил в Кракове.

С Гербордом у Длугоша выявляется другая параллель. Все наши источники говорят, что выкуп за Володаря был весьма значительный. Однако только Герборд и Длугош сообщают, что часть выкупа была выплачена не деньгами или драгоценными металлами, а вещами: по Герборду, «посудой, одеждой и разными предметами искусства», по Длугошу — пятьюстами сосудами греческой работы. Параллель налицо, и тот факт, что совпадение не абсолютно точно, говорит лишь о том, что источники были

⁵⁸ Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. С. 42–43, 46.

⁵⁹ По летописи, к моменту смерти Владимира Володаревича (впервые упоминается в 1140 г.) зимой 1152/1153 г. его сын Ярослав был достаточно взрослым для самостоятельного правления (ПСРЛ. Т. II. Стб. 464–465), то есть ему должно было быть не менее 15–16 лет, следовательно, родиться он мог не позже 1136–1137 г., а его отец Владимир едва ли мог родиться позже 1118 г. В 1145 г. сын Ростислава Иван вполне способен на войну с Владимиром, своим дядей (ПСРЛ. Т. II. Стб. 316–317), значит, Иван должен был родиться не позже 1130 г., а его отец Ростислав Володаревич — никак не позже 1115 г. Согласно же Длугошу, Владимир и Ростислав Володаревичи затеяли вооружённую борьбу между собой за отцовские волости в 1127 г., а в 1128 г. Владимир уже был с «женой и домочадцами» (*cum uxore et familiis*) (Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). С. 153, 305–306).

⁶⁰ У самого Василька были сыновья, которые упоминаются в рассказе о мести мужам Давыда Игоревича за его ослепление (ПСРЛ. Т. I. Стб. 268; Т. II. Стб. 242; ср. об этом эпизоде: Стефанович П. С. Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7 (в печати)). Имя только одного из них известно русским летописям — Иван, но Длугош в известии о ссорах сыновей Володаря под 1127 г. кроме Ивана упоминает ещё Григория (Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). С. 305). Ср. также рассуждения А. В. Назаренко о том, кто такой Ярослав, не приведшие его, впрочем, к какому-либо положительному заключению (Там же. С. 416, 422–423).

независимы друг от друга. Между Гербордом и Длугошем есть и ещё одна перекличка, пусть не такая яркая и бесспорная. И тот и другой сообщают, что после освобождения Володарь заключил союз с Болеславом, скреплённый клятвой. Длугош прибавляет, что в этом союзе участвовал и брат венгерского короля Коломан, — явно для того, чтобы объяснить участие венгров вместе с поляками и Ростиславичами в походе Ярослава Святополчича на Владимир-Волынский, описанном у него в следующей годовой статье. Это указание анахронично, и А. В. Назаренко объясняет его влиянием ошибочного известия «Великопольской хроники» и «нетвёрдостью» Длугоша «в хронологии венгерских королей»⁶¹.

Таким образом, в пользу достоверности известия польского историка о плене и выкупе Володаря можно привести ряд аргументов. Во-первых, все данные, так или иначе относящиеся к этому событию, которые Длугош мог почерпнуть из польских хроник, приводятся у него параллельно, и между ними и этим известием нет никаких «перекрёстных ссылок». Очевидно, известие о Володаре взято им из какого-то независимого источника. Во-вторых, древнейшие источники, неизвестные польским средневековым писателям, сообщают такие подробности, совпадение которых с информацией Длугоша может быть объяснено только тем, что и подробности, и информация отражают реальность. В-третьих, впечатление аутентичности производит сам характер сообщения: детальность, в том числе конкретная дата возвращения Володаря в Перемышль, сухой летописный стиль известия, резко контрастирующий со стилистикой польских хронистов. Всё это делает, с нашей точки зрения, практически несомненным вывод, что в данном случае Длугош черпал сведения именно из древней русской летописи, рассказывавшей об истории Руси, по крайней мере, юго-западной её части, в XII в. подробнее, чем все сохранившиеся летописи.

Разумеется, Длугош не обязательно должен был передавать текст русской летописи слово в слово. Вероятно, начало статьи вплоть до слов о том, что Володарь грабил польскую территорию и захватил добычу, надо приписать воображению хрониста, озабоченного защитой авторитета польского князя. Указание о заключении союза с Коломаном тоже, судя по всему, догадка автора «Анналов». Возможно, его догадкой является и указание на «место» Высокое как определённый топоним — нельзя исключить, что в его источнике «высокое» было лишь определением при характеристике какого-то холма или горы и т. п. Впрочем, в позднейших источниках в польско-перемышльских пограничных областях фиксируется несколько населённых пунктов с таким названием, из которых, по мнению И. П. Крипьякевича, как место пленения Володаря локализуется «наиболее правдоподобно с. Высокое близ Стрижова»⁶².

Трудно сказать, насколько реальны цифры в сумме выкупа, названной Длугошем. В других случаях хронист в «марках» передаёт суммы, которые в русской летописи обозначались в гривнах. Так, в рассказе о борьбе Ярослава и Святополка после смерти Владимира Святого Длугош сбор средств новгородцев на военный поход описывает так: «они решают, что каждый селянин (*agrestis*) должен внести четырех куниц, знатный (*nobilis*) — пятьдесят марок, капитан (*capitaneus*) — десять марок»⁶³. В «Повести временных лет», откуда он взял эту фразу, она выглядит следующим образом: «начаша скоть събирати от мужа по 4 (ИХП: четыре) куны, а от старость по 10 (Р: 5) грив(ен), а от боярь по 18 (РА: 80, ИХП: осмидесять) грив(ен)»⁶⁴. Куны Длугош, очевидно, перепутал с куницами, а вот гривны перевёл в марки, придерживаясь «курса» 1:1, о чём говорит соответствие цифры сбора со «старост» сбору с «капитанов» (сумма сбора со «знатных», то есть с бояр — 50 марок — возникла, по-видимому, из-за того, что польский хронист неправильно понял буквенное обозначение цифры в летописи⁶⁵).

⁶¹ Там же. С. 416.

⁶² Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 71. Упоминания села Высокого в документах XIV—XV в. собраны в историко-географическом исследовании М. Кордубы: Кордуба М. Західне пограниччя Галицької Держави між Карпатами та долиною Сяном (з картою) // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1925. Т. СXXXVIII-SXL. С. 187, 189, 195, 199, 210, 242.

⁶³ Там же. С. 92, 240.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 143; Т. II. Стб. 130—131. Р — Радзивилловская летопись, А — Московская Академическая.

⁶⁵ А. В. Назаренко предполагает, что Длугош «славянскую цифирь *ni* неверно прочел как *n*» (Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI). С. 382). Это предположение оправдано в случае, если доказать, что текст

В рассказе о съезде Рюриковичей в Уветичах 1100 г. летописные гривны Длугош также переводит в марки, но сумму меняет. По летописи, Давид Игоревич, согласно решению съезда, кроме городов получил двести гривен от Владимира Мономаха и двести гривен от Давида и Олега, черниговских князей⁶⁶. В «Анналах», однако, читаем: Владимир назначил «сто марок ежегодно, Давид и Олег — другие сто марок также ежегодно от себя»⁶⁷. То ли цифры в источнике Длугоша отличались от тех, которые находим во всех сохранившихся русских летописях, то ли он решил здесь поменять соотношение гривны и марки как 2:1. Поскольку в сообщении есть и другие отличия от летописного текста⁶⁸, вероятнее выглядит первый вариант.

Исходя из этих наблюдений, логично предположить, что сумма в нашем сообщении, указанная Длугошем в марках, в русской летописи была дана в гривнах. Но в таком случае сумма выкупа за Володаря получается просто грандиозной. Для сравнения сошлёмся на несколько современных примеров. Выше были приведены суммы, которые обязались выплатить Давиду Игоревичу Владимир Мономах, Олег и Давид черниговские: 200 гривен (неясно, правда, серебра или золота; скорее последнее⁶⁹) были компенсацией, сравнимой с доходами с волостей — не самых больших — данных Давиду Игоревичу Святополком киевским — Бужска, Дубена и Черторыйска. В 1144 г. Владимир Володаревич, сын перемышльского князя, пытаясь уладить конфликт с Всеволодом Ольговичем, тогда киевским князем, уже было вышедшим в поход, получил мир, заплатив Всеволоду «за трудъ» 1200 (согласно Лаврентьевской летописи) или 1400 (по Ипатьевской) гривен серебра⁷⁰. Видимо, выплата этих денег была ощутимым бременем для жителей Галицкой земли, которой правил Владимир, и привела в следующем году к восстанию галичан против своего князя. В Новгороде в 1137 г. с бояр-«приятелей» князя Всеволода Мстиславича было собрано почти 1500 гривен, а в 1141 г. у одного Якуна Мирославича «взяша» 1000 гривен⁷¹. Наконец, расчёты княжеских доходов со Смоленской земли (во всяком случае, большей её части), сделанные на основе данных о епископской десятина по Уставной грамоте Ростислава Мстиславича смоленской кафедре 1136 г., показывают, что ежегодно в пользу князя здесь поступало не менее 3000 гривен серебра⁷². Таким образом, даже если признать за вероятное, что выкуп за Володаря собирался не только с Перемышльского, но и с Теребовльского и Звенигородского княжеств (то есть со всех, где закрепились потомки Ростислава)⁷³, надо считать первоначальное требование Болеслава в 80 000 гривен абсолютно нереальным. Допустить, что Васильку удалось собрать 12 000 гривен серебра, можно, только признав, что южноволыньские земли в подчинении Ростиславичей были в экономическом смысле весьма преуспевающими, а их население, если согласилось нести такие расходы, очень крепко держалось своих князей. В то же время тогда не должно выглядеть преувеличением утверждение Герборда, что после выплаты выкупа «вся Русь (то есть, поправим агиографа, все русские земли, подчинявшиеся власти Ростиславичей. — П. С.) впала в необыкновенную бедность». Ещё труднее понять, насколько реально сообщение о пятистах сосудах, отправленных в Польшу в счёт восьми тысяч

летописи, которой пользовался хронист, отражал вариант Лаврентьевской. Возможно, однако, что эта летопись давала и вариант РА (п), который также легко перепутать, или же ошибочное чтение, которое Длугош точно передал.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 274; Т. II. Стб. 249.

⁶⁷ Цавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI). С. 291.

⁶⁸ См. комментарий А. В. Назаренко: Там же. С. 408—409.

⁶⁹ Доходы с волостей измерялись и гривнами золота. Ср., например, упоминание Владимиром Мономахом в «Поучении» о 300 гривнах золота — видимо, доход со Смоленской земли (ПСРЛ. Т. I. Стб. 247).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 311—312; Т. II. Стб. 315—316.

⁷¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 24—25, 26.

⁷² См.: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 108—109. Ср. также примеры, подобранные Б. А. Романовым в комментарии к «Поучению» Мономаха: Повесть временных лет / Подг. Д. С. Лихачёв. Под ред. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 523.

⁷³ Такое предположение естественно в виду замечания Длугоша, что переговоры о выкупе Володаря вёл его брат Василько. Именование Василька князем перемышльским, конечно, ошибка польского хрониста, который, видимо, не имел в данном летописном сообщении указания о том столе, который занимал Василько, и, видя братьев везде действующих вместе, посчитал их как бы соправителями. С этим ошибочным «титолом» Длугош упоминает Василька и в других сообщениях.

гривен. Возможно, пояснение Длугоша, что среди этих сосудов были «scutellis, picariis, ciphis» (термины, содержание которых осталось непонятным даже русскому переводчику «Анналов», оставившему их без перевода), говорит о том, что в его источнике были какие-то слова, неясные и самому хронисту, которые он решил передать туманными латинскими терминами. В таком случае можно предположить, что на самом деле в счёт денег пошла не только посуда, но и какие-то другие вещи и цифра 500 относилась и к ним. К такому предположению подталкивает и приведённое выше указание Герборда о выплате выкупа не только посудой, но и иными ценными предметами.

В целом, цифры Длугоша можно всё-таки признать правдоподобными, хотя нельзя исключить, что где-то он чего-то не понял и допустил произвольные догадки.

Возможно, именно правке Длугоша надо приписать одно несоответствие или, точнее, недоговорённость в цитированном им летописном известии. И в статье 6653 г. Ипатьевской летописи, и в «Хронике» Кадлубка, и в немецких источниках говорится, что главным виновником пленения Володаря был Пётр (именование его у продолжателя Ортлиба «Патрицием», конечно, объясняется недоразумением, возникновение которого можно легко себе представить и в общении, и при записи). Между тем, в сообщении «Анналов» о Петре не упоминается. С одной стороны, вполне можно допустить, что в летописи и не было такого упоминания, а указание на «Петрка» в статье 6653 г. было спровоцировано его казнью и приходом на Русь. Заключительные слова статьи «о немже бе в заднихъ летехъ писано», судя по контексту, имеют в виду явно не поляка, а Володаря. Но с другой стороны, имея в виду отнесение Длугошем рассказа о Петре Влостовиче к Ярополку (хотя в его источнике должен был быть указан именно Володарь — «Владарий»), можно допустить, что, сделав такую перестановку, Длугош постарался скрыть противоречие и убрал из статьи 1122 г. упоминание о Петре. Как бы то ни было, на основе умолчания этой статьи о Петре, мы не вправе сомневаться, что он участвовал в пленении Володаря.

(Продолжение в следующем номере журнала)

У нас нет сведений о военной поддержке Святополком Изяславичем венгерского соседа. Скорее всего, силы русских князей были в то время скованы наличием половецкой опасности. Обращает на себя внимание тот факт, что Болеслав III на этот раз отказался от поддержки свояка, твердо выступив на стороне Калмана. Видимо, многолетняя борьба со Збигневом убедила польского короля в том, что поддержание единства страны сильнее родственных связей.

Анализ известных источников о венгерско-русских контактах последних лет правления в Киеве Святополка Изяславича приводит к выводу о том, что основой отношений между формальным главой рода Рюриковичей и венгерским королем Калманом Книжником был прочный союз, который не смогли разрушить междоусобные войны, регулярно вспыхивавшие в то время в Польше и Венгрии. Святополк ни разу не помог мятежному венгерскому принцу Алмошу в борьбе за престол. В Польше Калман и Святополк выступали союзниками законного князя Болеслава III Кривоустого. Информация Венгерского хроникального свода о намерении Калмана отомстить за нанесенные ему русскими обиды относится исключительно к Владимиру Мономаху, с которым у Калмана так и не сложились союзнические отношения.

П. С. Стефанович

ВОЛОДАРЬ ПЕРЕМЫШЛЬСКИЙ В ПЛЕНУ У ПОЛЯКОВ (1122 г.): ИСТОЧНИК, ФАКТ, ЛЕГЕНДА, ВЫМЫСЕЛ*

Сообщение «Истории Российской» В. Н. Татищева

Перейдем теперь к ещё одному оригинальному — последнему в нашем обзоре — свидетельству о пленении перемышльского князя. Речь идёт о сообщении В. Н. Татищева, помещённом в «Истории Российской» также под 6630 (1122) г. Как говорилось в начале статьи, И. А. Линниченко склонен был считать, что сообщение это так же, как и известие Длугоша, — но, разумеется, независимо от последнего¹, — было взято историком из какой-то летописи «южного извода», бывшей в его распоряжении, но не дошедшей до нас. Однако М. С. Грушевский заметил, что Татищев заимствовал свои сведения из «Хроники Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» М. Стрыйковского, где, как известно, многие известия Длугоша, в том числе и это, просто повторяются. В правильности замечания украинского историка нельзя сомневаться, тем более что и сам Татищев в примечании к своему сообщению не только ссылается на Стрыйковского, но даже цитирует его.

Для наглядности сравнения мы помещаем в таблицу основной текст «Истории российской» в первой (1)² и второй (2)³ редакциях и известие Стрыйковского (3)⁴:

* Первую часть статьи см. в № 3 (25). С. 56—74.

¹ Татищев не читал по-латыни и, хотя и просил Академию наук сделать для него перевод «Анналов», по всей видимости, так его и не получил (Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1994. Т. I. С. 19). Он ссылается иногда на мнения или сообщения Длугоша, но знакомству с ними обязан Стрыйковскому, Кромеру и Бельскому.

² Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1995. Т. IV. С. 183—184.

³ Там же. Т. II. С. 135.

⁴ Strykowski Maciej. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiéj Rusi. Warszawa, 1846. Т. I. S. 186 (текст повторяет первое издание 1582 г.).

1	2	3
В о л о д а р ь перемышльский, терпя много от ляхов, разоряли бо волость его, и собрав воя, иде сам на ня, многи волости их повоева. Болеслав же лядцкий посла к нему о мире просити, рекий: «аще престанеши, всю ти проторь заплачу». И Володарь, поверя тому, отпусти послы польские и вои собра, ста на урочище Высоком, ожидая послов лядких. Бысть же у Володаря воевода Петрон, имеяше перевеет с ляхи, даде знати ляхом, яко Володарь распусти дружину многу. Болеслав же, собрав вои, прииде в ысплох на Володаря и в ночи, займав стражи, нападе и многих от Володаревых избивающе. Володарь же, собрав елико можно дружины, бияся зельне. И егда многая дружина паде, тогда и Володарь ят бысть. Наши же, биюцися крепце, товар весь спасоша и многих ляхов положиша. Ляхи же взяша князя, идоша восворяси. Василько же, слышав сие, вельми печален бысть и посла к Болеславу просити о брате своем. Болеслав же проси за нь 2000 гривен серебра. И Василько посла за нь 1200 гривен, а в 800 посла сына его Ярослава в залог; и потом посла 50 сосудов серебряных великих дивной греческой работы, и тем искупи сына Ярослава (267).	Володарь перемышльский, терпя надолге, что поляки области его, нападая, разоряли, собрав войско, пошел сам на них, многие области польские разорил и попленил. Болеслав, слыша то, но не имея войск в готовности, посла к нему послов для учинения мира, обещавая ему заплатить все убытки, если разорять перестанет. Володарь, поверя сему, поставя договор на мере, присланных от Болеслава возвратно отпустил с тем договором, что на срок прислать послов с платою счисленных убытков. А войско собрав, стал на урочище Высоком. Был же у Володаря воевода Петрон, <i>родом поляк</i> [приписка в Воронцовском списке к основному тексту⁵], которой, ослепясь дарами и обещаниями польскими, имел тайную с ними пересылку. И усмотря Володаря в безопасности, тотчас дал знать поляком, что у Володаря войско многое разпусчено и сам ездит на охоту с малыми людьми. Болеслав же польский, вскоре собрав войска, послал и велел нечаянно нападение учинить. Оные, приближася и ночью отхватав стражи, на войско безопасное напав, стали побивать. Володарь, вскоча, собрал людей, сколько мог, бился крепко и, потеряв много людей, сам принужден поляком в плен отдаться. Но воеводы его некоторые, собрав людей, крепко бились и полякам не допустили обоз взять. Поляки, видя, что уже русские стали сильны и многих от них побии, немедля оставя своих раненых, с Володарем ушли. Василько, брат Володарев, уздав о том, вельми опечалился и послал к Болеславу просить о свободе брата. Болеслав же требовал за него тяжкого выкупа. И договорились заплатить 2000 гривен серебра, по которому Василько собрав 1200, а за 800 посла сына Володарева <i>Ростислава</i> [так в Воронцовском списке поверх зачеркнутого <i>Ярослава</i>] в залог посла. По которому Володарь, освободясь, возвратился и немедля, собрав 50 сосудов великих серебряных дивной греческой и венгерской работ, послал и тем сына выкупил (372).	Roku od Christa Pana 1118, Wołodor, xiąże Ruskie Przemyślskie, zebrawszy wojsko z Rusaków i z Połowców, Polskę częstokroć najeżdżał, przeciw któremu Bolesław Krzywousty, monarcha Polski, wyprawił hetmany swoje z wojski, którzy Wołodora porazili i uciekającego na uroiscu wysokim poimali, a do Krakowa związanego xiążęciu Bolesławowi przywieźli; ale go Wasylko, oślepiiony brat, wykupił dwudziestą tysięcy grzywien srebra, a dawszy zaraz 12,000 grzywien srebra, w ostatku syna Jarosławowego xiążęcia Ruskiego w zakładzie zastawił, a potem dał pięćdziesiąt naczyń srebrnego do służby stołu xiążęcego, greckiej roboty, a tym Wołodora brata wybawił.

Цифры в конце текстов Татищева обозначают номера примечаний. Текст примечания в 1-й и 2-й редакциях (номера, соответственно, 267 и 372) почти идентичен (цитируем первую редакцию, в квадратных скобках приводим варианты, кроме мелких отличий, второй)⁶:

«267 [372]. Стрыковский, кн. 5, гл. 10, в 1118-м году: Володарь, князь русский, перемышльский и червенский, собрав половцов, многократно Польшу, наезжая, разорял, Болеслав же посла против его воевод своих с войски, иже [которые] пришед, Володаря поразивши [при урочище Высоком победа] и самого пленища [пленили]. Брат же его Василько искупи [выкупил] Володаря за 2000 гривен и прочие согласно. Кромер сказует, еже искупил за 1000 фунтов, и потому видно, что в сие время гривна руская полфунта счислялась. Что же Кромер и по нем Стрыковский, гл. 12, сказуют, яко Болеслав обманом Ярополка поймал, о том в русских не упоминается [но видно, что сей обман тем хотел закрыть]».

Из примечания следует, что, во-первых, текст Стрыковского Татищев передал не совсем точно (добавив в «титул» Володаря определение «червенский»⁷ и несколько сократив текст), а во-вторых, что с известием о плене Володаря Татищев был знаком и по «Польской хронике» М. Кромера. Текст у этого хрониста, действительно, как замечает Татищев, в принципе «согласен» с текстом Стрыковского, хотя более краток и по-другому датирован (1124 г.); мы приведём его в польском переводе: «Tęgoż roku włásne Wołodor książę przemyskie gdy częstokroć obyczajem rozbójniczym zdobył z Polski uwoził a upominany porzestać zwyczajowi nie chciał, od Polaków u Wysokiego porażony, poimany i do Bolesława przywieziony, dwudziestą tysięcy grzywien srebra okupił się»⁸.

«Согласие» объясняется тем, что оба хрониста пользовались одними источниками — «Анналами» Длугоша и «Хроникой» М. Меховского⁹. Любопытно замечание Татищева о соотношении гривны и фунта. Дело в том, что в польском переводе хроники Кромера сумма выкупа называется не в «1000 фунтов», а так же, как и у Стрыковского, — «двадцать тысяч гривен серебра». В фунтах сумма выкупа указана в латинском оригинале хроники Кромера и в её немецком переводе, но тоже — двадцать тысяч¹⁰. Согласно примечаниям И. В. Валкиной к первой части «Истории Российской», специально для Татищева К. А. Кондратович сделал перевод Кромера (не говорится, правда, по какому изданию и с какого языка), который потом Татищев сверял по польскому и латинскому изданиям¹¹. Был ли знаком русский историк с немецким переводом Кромера, неясно (в каталоге его библиотеки немецкое издание не числится¹²). Однако, самое странное здесь — это сами цифры, которые приводит Татищев. Все польские хронисты вслед Длугошу и Меховскому говорят о двадцати тысячах как полной сумме выкупа (марок — в латиноязычных хрониках, гривен — в тех, которые были написаны по-польски или переведены на польский), некоторые из них упоминают, что часть в двенадцать тысяч была уплачена сразу¹³. Конечно, логично

⁵ Воронцовский список отразил самый ранний вариант 2-й редакции «Истории».

⁶ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. II. С. 261; Т. IV. С. 432.

⁷ Это добавление — совершенно произвольная догадка Татищева. У Стрыковского Володарь всегда обозначается как князь перемышльский и только. Вставку этого определения в виде титула следует, видимо, объяснять тем, что Татищев знал о борьбе за «червенские грады» польских и русских князей со времён Владимира Святого и хотел подчеркнуть принадлежность Червена к Руси.

⁸ Kromer M. Kronika Polska, przełożona na polski przez Marcina z Białowa Białowskiego. Sanok, 1857. Z. 1. S. 255 (текст передаётся по краковскому изданию 1611 года).

⁹ Matthiae de Michovia Chronica // Joannis Pistorii Polonicae historiae corpus. T. II. Basileae, 1582. P. 55 (впервые издана в 1555 г.). У Меховского, пользовавшегося «Анналами», сообщение практически совпадает с длугошевским. Он опустил только вводные слова о посольствах Болеслава к русским князьям и последнюю фразу с указанием о договоре между князьями и датой возвращения Володаря в Перемышль. Известно также, что Меховский использовал какую-то русскую летопись, возможно близкую Ипатьевской. Впрочем, русские летописи были и у Кромера, и, разумеется, у Стрыковского.

¹⁰ В оригинале: «uicies mille pondo sive marcis argeti» (Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX, Basileae, 1555. P. 124). В немецком переводе: «zwenzig tausent pfund oder mark silbers» (Mitnächtscher Völkeren Historien in welcher viler Nationen etc. durch den Hochgelehrten Herren Martinum Chromer aus Poland zu Latein fleißig beschrieben, jetz zumalen aber durch Heinrich Pantaleon etc. verteutschet, gemehrt und in truck verordnet. Basel, 1562. S. cliii—cliiii).

¹¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. I. С. 447.

¹² Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. Приложение.

¹³ Ср. также в «Польской хронике» Мартина и Иоахима Бельских: Bielski Marcin, Kronika Polska, księga I // Zbiór pisarzy polskich. Warszawa, 1829. Cz. 4. T. XI. S. 258—259. Этой хроникой пользовался Татищев, она упоминается среди книг,

предположить, что изначальные суммы выкупа были либо в источнике Татищева, либо он уменьшил ровно в десять раз цифры Стрыйковского, предполагая у того преувеличение. Но в любом случае остаётся неясным происхождение «1000 фунтов» — и у Кромера нет такой цифры, и она не может получиться десятикратным уменьшением. Если подозревать, что Татищев решился здесь на прямой подлог (зная, что его могут проверить, ведь Кромер — это не Иоакимовская летопись), то непонятно, ради чего, — зачем ему так уж нужно было замечание о соотношении гривны и фунта? Вероятней всё-таки, что на расчёты Татищева подтолкнула какая-то ошибка в переводе Кромера, которым пользовался русский историк (или, может быть, в данном случае он ссылаясь на Кромера по пересказу у какого-то другого автора?).

Обратимся к сравнению трёх текстов, помещённых в таблицу. Прежде всего, бросаются в глаза различия татищевского сообщения в первой и во второй редакциях «Истории российской». Татищев сильно изменил язык, что связано, очевидно, с основной причиной появления второй редакции — с переложением всей «Истории» из «древнего наречия» в «настоящее». Древние формы глаголов уступили место современным Татищеву, изменилась лексика («области» вместо «волости», «обоз» вместо «товар» и т. п.). Однако, изменяя язык, Татищев позволил себе и смысловые изменения, вернее, добавления. Появились малосущественные детали, которые несут не более чем декоративную функцию: «переветы» Петра объясняются обольщением «дарами и обещаниями» ляхов, воевода сообщает, что Володарь не только дружину распустил, но и на охоту ездит, «ляхи» не просто уходят, но ещё и раненых оставляют.

Три более существенных изменения выдают размышления Татищева чисто исторического характера и показывают, как он интерпретировал начальный текст и как вносил в него эти интерпретации без каких бы то ни было оговорок. Так, во второй редакции появилось дополнительное указание, что Петрон был «родом поляк»; имя сына Володаря, оставленного в Польше заложником, было исправлено из Ярослава в Ростислава; наконец, сосуды, посланные в счёт выкупа, оказались уже не только греческой работы, но и венгерской. Последнее дополнение можно объяснить тем, что, работая над историей Руси XII в., Татищев обратил внимание на тесные связи галицких князей, в том числе сына Володаря Владимира, с Венгерским королевством. Правка имени связана, по-видимому, с тем, что Татищев, продолжая работать над «Историей», больше нигде упоминаний об этом Ярославе не нашёл, зато Ростислава встретил в «длугошевских» известиях польских хроник и мог догадаться о его существовании по отчеству Ивана Ростиславича Берладника. Дополнение о происхождении Петра явилось следствием размышлений историка над известиями о Петре Влостовиче и Петре датчанине, переданными вслед Длугошу в том или ином виде всеми позднейшими польскими хронистами, а также над тем сообщением, которое помещено в Ипатьевской летописи под 6653 г. и было в той летописи — или тех летописях — которой (которыми) он пользовался. К этим размышлениям мы обратимся после того, как сравним известие Татищева с известием Стрыйковского.

Очевидно, что если задаться целью найти в сообщении «Истории» следы летописи, то обращаться надо к первой редакции. Конечно, первая редакции не была каким-то «первозданным» текстом, буквально повторяющим источник; это тоже был продукт определённой работы Татищева над собранными им материалами, их согласования и интерпретации. Но всё-таки тот опыт работы, который накоплен в историографии относительно «татищевских известий», показывает, что от каждого более раннего варианта текста «Истории» следует ожидать большей близости к источнику, чем от более позднего; чем больше историк работал над своим произведением, тем больше нарастал объём интерпретаций (как явных — в примечаниях, — так и скрытых — в основном тексте), «прикрас» (как выражался сам Татищев) и просто выдумок (типа речей советника Юрия Долгорукого Громилы и т. п.). Наконец, если в основе его повествования лежала летопись, то в «древнем наречии» её следы должны обнаружиться более отчётливо.

Итак, сравнивая текст сообщения в первой редакции «Истории» с текстом Стрыйковского, мы должны констатировать, что они не идентичны. Начнём с того, что у них разная датировка. Поскольку

оставшихся после его смерти (см.: Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 61). Сообщение о плене Володаря здесь в сокращённом виде, под 1119 г.

ни одна из польских хроник, кроме Длугоша, не датирует событие 1122 г., надо признать, что дату Татищев взял из русской летописи. В рассказах польского хрониста и русского историка разная «завязка»: у первого Володарь нападает на Польшу и Болеслав сразу посылает своих «гетманов», а у второго «ляхи» грабят, поход Володаря оборонительный, и прежде военных действий между князьями начинаются переговоры. Далее Стрыйковский просто говорит о захвате Володаря и привозе его в Краков, в принципе повторяя Длугоша или Меховского. Татищев же даёт целый рассказ о «переветах» с поляками воеводы Володаря Петрона, о нападении поляков ночью и сражении, в котором русские потеряли князя, но отстояли «товар»; при этом о Кракове он не упоминает. В сообщении о выкупе также есть существенные отличия. Татищев снова несколько пространнее Стрыйковского и говорит сначала о пересылке между Васильком и Болеславом. У Стрыйковского выходит так, что Василько оставил заложником не Ярослава, а «сына Ярославова князя русского»; у Татищева, как у Длугоша и Меховского (чьих трудов он, напомним, не имел в своём распоряжении), в заложниках остаётся именно Ярослав, который представлен как сын Володаря (у Кромера о князе заложнике вообще не упоминается). Наконец, польский и русский историки называют разные суммы выкупа — у Татищева в десять раз меньше — но при этом число сосудов «греческой работы» (пятьдесят) у них совпадает (у Кромера о доставке посуды снова выпущено).

Как объяснить эти отличия? Теоретически возможны два варианта ответа: либо у Татищева был независимый источник (очевидно, русская летопись), либо он, взяв за основу текст Стрыйковского, что-то изменил, что-то добавил и сконструировал на «древнем наречии» новый текст.

В пользу первого варианта может говорить следующее. Татищев не скрывает своего знакомства с польскими хрониками и даже цитирует Стрыйковского в примечании параллельно своему повествованию в основной части. Если считать, что Татищев выдумывал своё известие, сознательно «мистифицируя» читателя, то надо признать, что-либо он был поразительно наивен, либо не менее поразительно хитёр, так как, имитируя честную ссылку, на самом деле изощрённым способом скрывал выдумку. Такая изощрённость вообще кажется странной, но ещё более странной она представляется ввиду других случаев, когда историк несколько не стеснялся помещать текст, взятый, например, из того же Стрыйковского, в своё погодное изложение, не ссылаясь на источник и вообще не удосуживаясь никакими примечаниями. Так он поступил, к примеру, в статье 6634 (1126) г., где поместил известие о конфликте детей Володаря. Известие это явно взято из Стрыйковского (у которого оно повторяет длугошевское), но несколько изменён порядок изложения информации, стилизован язык и добавлены *вероятные* детали¹⁴. Наконец, те уникальные сведения, которые даёт Татищев, выглядят правдоподобно, в первую очередь, упоминание «переветов» Петра¹⁵, и надо, во всяком случае, объяснить, как бы историк мог их придумать и зачем бы ему это делать.

Попробуем сформулировать сомнения, которые возбуждает известие Татищева. Прежде всего, если считать, что оно восходит к утраченной летописи, то логично было бы ожидать его сходства с известием Длугоша, которое, по нашему убеждению, происходит из русского летописного источника. Между тем, такого сходства никак не обнаруживается. То, что Стрыйковский опустил из длугошевского известия, но что как раз наверняка происходит из русской летописи — дата возвращения Володаря в Перемышль (а также, возможно, сообщение о заключённом мирном договоре) — у Татищева тоже отсутствует, а то, что у Татищева есть отличного от Стрыйковского — описание ночной битвы, сумма выкупа, упоминание Петрона — отсутствует в «Анналах».

Подозрительными также кажутся цифры «Истории». Число «сосудов для обслуживания княжеского стола», приведённое Стрыйковским, — пятьдесят — у Татищева повторяется. Однако, у Стрыйковского это явная ошибка, потому что в его источниках — у Длугоша и Меховского (у Кромера это сообщение опущено) — говорится не о пятидесяти, а о пятистах сосудах. Другие цифры в «Истории»

¹⁴ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. С. 185–186.

¹⁵ Именно на «естественности» рассказов Длугоша и — более полного (благодаря упоминанию Петра) — Татищева делал акцент И. А. Линниченко (см.: Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Приложение. С. 10).

по сравнению с «Хроникой» Стрыйковского уменьшены в десять раз. Но такого рода уменьшение вполне естественно для русского историка, который везде и, в особенности, у польских хронистов подозревал «баснословность» и пытался оценивать данные своих источников «реалистически». Не ходя далеко за примером, сошлёмся на статью 6632 (1124) г., где Татищев передаёт известие Радзивилловской летописи о пожаре в Киеве¹⁶. В его источнике сказано, что в пожаре «ц(е)рквей единех изгорело близь шести соть», а в «Истории» читаем «реалистический» и в то же время дополненный *по вероятности* вариант: «погореша церквей единех 30 и людей множество погоре»¹⁷. Таким образом, надо скорее предполагать не аутентичность цифр Татищева (и, соответственно, завышение суммы выкупа у Длугоша), а их вторичное происхождение в результате правки Стрыйковского, к которой его тем более подталкивала ошибка последнего в указании количества судов, отправленных в Краков.

Сомнения побуждают к объяснению «уникальных» данных Татищева в этом известии. При ближайшем рассмотрении эти данные также оказываются весьма подозрительны. Начало статьи у Татищева представляет собой просто пересказ Стрыйковского «наоборот»: у одного зачинщиком выступает Володарь, у другого — Болеслав. Далее Татищев повествует о переговорах князей через послов. Переговоры эти не содержат ни одной яркой и сколько-нибудь своеобразной детали, кроме редкого слова «проторь», которое якобы употребляет в своей речи Болеслав. Однако именно оно и заставляет сомневаться в достоверности текста. На это слово обратил внимание в новейшей работе, посвящённой «Истории», А. П. Толочко и убедительно показал, что оно было своего рода «находкой» Татищева, который, раз где-то встретив его, затем неоднократно употреблял его совершенно произвольно и прежде всего в известиях, происхождением явно обязанных перу и воображению самого историка¹⁸.

Не только слово «проторь», но и другие особенности языка татищевского сообщения исключают возможность считать «древнее наречие» первой редакции гарантией аутентичности текста. С грамматической и морфологической точек зрения в древнем тексте были бы невозможны слова «разоряли», «ожида», «можно», вместо «многи» должно было бы быть «многы», а «великих» — «великых». Также и с лексической точки зрения невозможно было бы словосочетание «дивной греческой работы», поскольку данное значение слово «работа» приобрело гораздо позже¹⁹. Мы не можем согласиться с мнением, выраженным, например, С. Н. Валком в предисловии к одному из томов академического издания «Истории Российской» и повторяемым до сих пор, что «древнее наречие» Татищева — это «язык самих древних летописей»²⁰. На самом деле это «древнее наречие» было стилизацией, особым языком, которым Татищев пользовался совершенно независимо от того, что было в его источнике. В примере, приведённом нами выше, о пожаре в Киеве хорошо видно, что историк стилизовал и сам оригинальный летописный текст. В летописи употреблена «новая» глагольная форма — «изгорело» — а Татищев всё равно на своём волапюке пишет «погореша» и «погоре». Свой стиль историк более или менее строго выдерживал практически на всем протяжении текста «Истории», даже там, где это было совершенно неуместно: например, в переводе (а точнее, пересказе) с польского языка известия Стрыйковского (в примечании к нашему сообщению) он также употребляет аористные формы глаголов. Эти явные несообразности говорят о том, что историк, очевидно, рассматривал такую манеру изложения не как «мистификацию» или «аутентизацию вымысла», а как свой особый стиль.

¹⁶ То, что здесь Татищев пользовался именно Радзивилловской летописью, доказывается тем, что только в ней дата пожара называется (ошибочно) «июля 23 и 24» (вместо июня, как во всех других); см.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Т. I. Л. 158 об.

¹⁷ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. С. 184. Кстати, здесь «реалистичность» Татищева оказалась совершенно неуместна. Как показывают специальные исследования, летописное сообщение вполне реально, поскольку в Киеве были не только приходские церкви, но и частные, число которых надо предполагать, действительно, весьма значительным (см.: Стефанович П. С. Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 47–48).

¹⁸ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 472–473, 485, 493. В связи с «древним наречием» Татищева А. П. Толочко ведёт речь об «аутентизации вымысла». Мы же предпочитаем говорить о «стилизации».

¹⁹ Этими замечаниями о языке данного сообщения Татищева я обязан С. В. Конявской, за что и выражаю ей признательность.

²⁰ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1996. Т. VII. С. 30.

Рассказ Татищева о ночном нападении «в-ысплох» поляков на Володаря не даёт никаких «зацепок» для определения его происхождения. Такие детали, как роспуск «дружины», бой, который описывается с помощью блеклых выражений типа «бися зелне» и «биюцся крепко», «спасение» «товара», возвращение поляков «восвояси» и т. д., — всё это вполне можно приписать творчеству историка, хорошо начитанному в летописях. Уникальное (по крайней мере, нам не встречавшееся) выражение «бися зелне» скорее снова указывает на стилизацию древнего текста. Наконец, и упоминание Татищевым «сына его Ярослав» вместо непонятного «сына Ярославова князя русского» можно объяснить догадкой историка, исправившего (и, как мы знаем, правильно) искажённое чтение «Хроники» Стрыйковского. Такого рода правки Татищев, конечно же, не мог стесняться, если он даже в цитировании с точной ссылкой на источник допускал сокращения и произвольные добавления (как это видно в его цитате из Стрыйковского в примечании).

Из «уникальных» сведений остаётся, таким образом, одно, но ключевое, а именно упоминание «переветов» «воеводы» Володаря Петрона с «ляхами». Но и его, видимо, можно в принципе объяснить умозаключениями Татищева. Хотя он не располагал всеми теми источниками, которые мы привели в настоящей статье, но он имел, во-первых, известие, помещённое в Ипатьевской летописи под 6653 г., и, во-вторых, хроники Стрыйковского, Кромера и Бельского, вобравшие в себя практически все сведения о Петре Влостовиче и Петре датчанине, которые существовали в более ранней польской историографии. Татищев, будучи, несомненно, пытливым исследователем и тонким интерпретатором, не мог не сопоставить все эти источники между собой и с известием о пленении Володаря. О таком сопоставлении он сам и говорит уже в примечании к этому известию: «Что же Кромер и по нем Стрыйковский, гл. 12, сказуют, яко Болеслав обманом Ярополка поимал, о том в русских не упоминается». То есть рассказ о похищении Ярополка, автором которого, как мы знаем, был Кадлубек, а отнесение которого к киевскому князю надо приписать ошибке Длугоша, Татищев с самого начала сопоставил с известием о Володаре. Ещё более определённо историк высказывается ниже, в примечании к сообщению о войне Ярополка с Болеславом под 1138 г. (несомненно, происходящему из польских хроник). Пересказывая историю похищения Ярополка «Петром Влошковицем», Татищев приходит к заключению: «Сия есть явная басня, сложена из поимания и откупления Васильком брата ево Володимера²¹, что показано н. 267 (то есть в примечании к известию 1122 г. — П. С.). Обстоятельства поимания ложь оную обличают, а наипаче, якобы русские подданные поляком были, что ничем доказано быть не может...»²²

Наконец, примечанием историк снабжает и известие Ипатьевской летописи 6653 г., которое у него помещено под 6651 (1143) г. Само известие у него изложено с таким виде: «Того же году Болеслав взял мужа злаго Петрона Дунина, иж пред тем предаде Володаря, ослепи его и язык ему урезав, весь статок его ограби, токмо со женою и з детьми выгна из земли. И тако отомсти тому нерядцу бог за неправду его (287)»²³. Сравнив текст Татищева с летописным (а в данном случае у нас такая возможность есть), мы видим, насколько сильно историк преобразует свой источник, меняя и стиль, и содержание его. Фактически Татищев не цитирует летопись, а пересказывает её, причём в данном случае, казалось бы, без всякой необходимости: так, фразу о возмездии Петру со ссылкой на «евангельское слово» он заменил своим творчеством о «нерядце» (ещё одно полюбившееся историку слово, взятое из рассказа об убийстве Ярополка Изяславича, где оно, впрочем, является именем собственным²⁴). В тексте известия заложен и элемент интерпретации, ставшей результатом знакомства Татищева с польскими хрониками: об этом говорит характеристика Петрона как «Дунина», то есть датчанина. Можно даже уточнить происхождение этого прозвища: в такой форме оно даётся только в «Хронике» Кромера, где Пётр охарактеризован как *Piotr Dunin pan na Skrzynnie* (в других польских

²¹ Явная описка или ошибка Татищева в интерпретации имени князя: надо, конечно, Володарь.

²² Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. С. 436.

²³ Там же. Т. IV. С. 199. Отсутствие упоминания о том, куда отправился «Петрон» после казни, возможно, свидетельствует в пользу мнения, что в распоряжении Татищева была летопись близкая Ермолаевскому списку Ипатьевской — ведь только в этом списке вместо «и иде в Русь» говорится «и не иде в Русь но инуде» (см. выше).

²⁴ См.: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. С. 493–494.

хрониках его прозвище выглядит как *Dińczyk*²⁵. В примечании (под номером 287) Татищев ссылается и на рассказ Бельского о казни Петра «Датчанина» после его неудачной шутки по поводу жены Владислава (у Стрыйковского этот рассказ опущен)²⁶.

Таким образом, сопоставив известие русской летописи и польских хроник о казни и изгнании Петра, Татищев пришёл к выводу о том, что это одно лицо. Поскольку рассказ о похищении Ярополка Петром Влошковицем он отверг как «басню», из двух Петров у него остался один — «Дунин». В то же время он признал достоверным сообщение о пленении Володаря и, следуя летописному известию 6653 (6651) г., естественным образом должен был прийти к заключению, что пленителем перемышльского князя был этот «Петрон Дунин». Видимо, в суть прозвища «датчанин» и рассказ польских хронистов о происхождении Петра из Дании Татищев не стал вникать, а может быть, решил для себя, что это тоже «басня», поскольку легендарность многих «родословных» была уже для него ясна. Во всяком случае, позднее, при написании второй редакции «Истории», Татищев уже пришёл к выводу, что Петрон был «родом поляк», и вставил соответствующее указание в известие 1122 г. Не совсем понятно только, почему он в сообщении о казни Петрона сохраняет ему прозвище, взятое у поляков, а в рассказе о пленении Володаря этого прозвища нет ни в первой редакции, ни во второй. Возможно, Татищев не был уверен всё-таки в полной легендарности рассказа о Ярополке и «Петре Влошковице» и, предлагая в известии 1122 г. имя без отчества или прозвания, оставлял возможность для двоякого решения вопроса, о ком идёт речь — «Влошковице» или «Дунине». Неясно также, почему у него вообще Пётр выступает под именем «Петрон». Возможно, такая форма объясняется путаницей букв «н» и «к» в исходном летописном «Петрок», и либо сам историк неправильно прочитал летопись, либо пользовался каким-то неисправным списком Ипатьевской летописи или, точнее, Киевского свода кон. XII в. Но возможно также, «Петрон» происходит из латинской формы имени «Пётр» в родительном падеже — *Piotronis*; и поскольку из тех польских хроник, которыми пользовался Татищев, на латыни был написан только труд Кромера и в то же время прозвище «Дунин» происходит именно из этой хроники, то и форма «Петрон» может происходить именно оттуда.

Отметим, что в этих поисках и выводах, которые мы отчасти наблюдаем по примечаниям «Истории», отчасти восстанавливаем по основному её тексту, Татищев продемонстрировал недоожинные талант и чутьё историка. Достаточно только напомнить, что по-настоящему «баснь» о похищении Ярополка опроверг только Н. М. Карамзин (И. Н. Болтин в своей критике польских хронистов опирался на Татищева).

В итоге, из вопросов, на которые надо ответить, если мы отвергаем аутентичность рассказа «Истории Российской» о перемышльском князе под 1122 г., остаётся, собственно, один главный: зачем её автору было выдумывать свой текст?

Думаем, в принципе ответ на этот вопрос дал сам Татищев, описав в ранней (1739 г.) редакции «Предъизвещения» к «Истории» свой метод работы с источниками: «Все вышеупомянутые манускрипты я собрал и, где что было недостаточно или неясно, дополнил, но теми же словами, какие имеются в манускриптах, ничего не переменяя в них, кроме не надлежащего к моему настоящему намерению, как то жития святых и тому подобное»²⁷. Это признание Татищева, которое часто цитируется в специальной литературе, посвящённой «Истории», нельзя, конечно, понимать как исчерпывающую характеристику его методики — на самом деле, она была значительно более сложна и разнообразна. Но эти слова показательны, поскольку из них ясно, что Татищев вообще допускал вмешательство в текст источника,

²⁵ Kromer M. Kronika Polska, przełożona na polski przez Marcina z Białowa Białowskiego. S. 285.

²⁶ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. С. 437. Анахроничное упоминание Болеслава в основном тексте (вместо Владислава), видимо, просто описка, потому что в той же годовой статье Татищев пишет именно о Владиславе как «князе лядком». И в его источниках — как летописи, так и польских хрониках — никакой путаницы в этом плане не было.

²⁷ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. VII. С. 59. Этот текст является современным переводом с немецкого, поскольку этот самый ранний вариант «Предъизвещения» сохранился не в оригинале, а только в немецком переводе, выполненном в 1739 г. по просьбе Татищева.

если «где что было недостаточно или неясно». Разумеется, чем больше историк размышлял над источниками, сопоставлял их между собой и интерпретировал, тем больше росла «недостаточность» и «неясность» и тем сильнее должно было быть такое вмешательство. Поскольку его представления о научно-историческом методе коренным образом отличались от принятых в современной науке, то это вмешательство вело к тому, что его исторические выводы и собственные идеи оказывались вплетены в ткань повествования, которое ни в коем случае нельзя принимать за простое цитирование источника с сохранением «древнего наречия». «Древнее наречие» — это язык и стиль самого Татищева, которым он одинаково передавал такие разнящиеся между собой «нарративы», как летопись и польская хроника.

Нельзя забывать и другие обстоятельства. Татищева нередко характеризуют как первопроходца. Действительно, в рационально-систематическом исследовании русских летописей он был первым. Сам прекрасно осознавая это, он подчёркивал, что историков ещё ждут открытия древних «манускриптов». Татищев работал с сознанием, что в его распоряжении находятся далеко не все данные и что если в каком-то из его источников «нечто проронено», то очень вероятно, что оно в будущем где-то «отыщется». Пока же он чувствовал себя вправе предвосхитить такие открытия, самостоятельно сочинив *вероятный правильный* текст.

Кроме того, автор «Истории Российской» никогда не ставил перед собой сугубо научные задачи. Он задумывал свой труд «к пользе обшей» и «отечества». Поэтому этот труд нёс определённую идейно-просветительскую нагрузку, а с другой стороны, что подчеркнём в данном случае, он должен был быть удобен и приятен для чтения. Татищев не боялся признаваться, например, что при переписывании «Истории» на «настоящее речение» он брал «многое из Степенной для прикрасы речения»²⁸. Известны также, например, его заботы о портретах князей, которые должны были сопровождать текст «Истории» (очевидно, по примеру западноевропейских изданий, например, «Хроники» Бельского).

Думается, эти соображения могут объяснить *теоретически* появление текста Татищева о пленении Володаря. *Практически* же мы имеем специальный анализ одного более раннего известия Татищева, которое по манере изложения напоминает известие 1122 г. А. П. Толочко разобрал «уникальное» сообщение «Истории» о походе Владимира Мономаха и Олега Святославича «на чехов» в 1076 г. и выяснил, что в основе его была короткая фраза «Повести временных лет», которую Татищев сопоставил с информацией в «Хронике польской» Бельского и которую, основываясь на этой информации, развернул в целый рассказ с диалогами князей, упоминанием воеводы по имени Лопата и т. п.²⁹ Вывод А. П. Толочко, что этот рассказ — плод творчества Татищева, обоснован, в частности, и демонстрацией искусственности «древнего наречия». Для нас важно, что манера изложения этого рассказа такая же, как нашего: в основном тексте Татищев даёт свой рассказ, а в примечании цитирует Бельского, Гваньини и Гагека с заключением — «а о русских никоторой не упоминает, но обстоятельства их сказания довольно являют, что Несторово сказание вероятное», а затем ещё обличает «ложь» Стрыйковского³⁰. Толочко замечает: «Татищев решил (как делал и в других случаях), что Бельский и Гваньини используют более полное “Несторово сказание”, и “восполнил” их сообщениями недостающее, по его мнению, продолжение летописной статьи»³¹.

Если структура повествования «Истории» в обоих случаях сходна, то мы вправе ожидать, что и происхождение известия 1122 г. будет такое же, как и известия 1076 г. В нашем случае историк точно так же имел одну фразу древних летописей «яша Ляхове (лестью) Володаря Василкова брата» и более подробный рассказ в польских хрониках. Поскольку он прекрасно знал, что Стрыйковский пользовался русскими летописями, то для него было вполне естественно на основе его данных восстановить «правильный и реалистический» (без «басен», пропусков и т. д.) рассказ — конечно, с интегрированными

²⁸ Из письма Татищева Шумахеру 1746 г., цит. по: Валк С. Н. О рукописях второй редакции второй части «Истории российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. II. С. 8.

²⁹ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. С. 477–487.

³⁰ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. С. 425.

³¹ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. С. 481.

собственными выводами о том, как всё было на самом деле. Этот «правильный» рассказ он стилизовал на своём «древнем наречии» примерно так же, как художники, писавшие гравюры для западноевропейских хроник XVI–XVII в., стилизовали свои портреты древних правителей «под старину». Остаток летописной фразы можно видеть в словах Татищева «тогда и Володарь ят бысть» (отсутствие слова «лесть» говорит о том, что историк использовал летопись не «Ипатьевской группы», а видимо, Радзивилловскую, где это слово пропущено, как и во всех «Лаврентьевской группы»). В примечании он привёл и Стрыйковского, конечно, не пытаясь «замести следы» своей «мистификации», а напротив, проявив, если угодно, в каком-то смысле честность и аккуратность — то есть он, собственно, давал читателю судить об источниках его конструкции (которую он сам понимал как реконструкцию). Предлагая свой «правильный» вариант «изначального» известия о событии, Татищев как в этом примечании, так и подробнее в последующих критикует польских хронистов за тенденциозные «басни», о которых «в русских (читай: в «более правильных») не упоминается».

Те случаи, когда Татищев приводит стилизованные пересказы Стрыйковского или других западных хронистов прямо в основном тексте без каких-либо примечаний (см. выше приведённый нами пример статьи 1126 г.), думаем, надо объяснять так. Видимо, в этих случаях, с одной стороны, Татищев не имел вообще никаких аналогий в русских источниках, а с другой — у него не было повода подозревать авторов этих сообщений в какой-либо злонамеренности. Поэтому можно было принять их данные как «правильные» сразу в основной текст, лишь слегка, возможно, поправив и переоформив в «древнее наречие».

Таким образом, наш анализ последнего оригинального свидетельства о пленении перемышльского князя Володаря в 1122 г. показывает, что его оригинальность надо связывать не с некими аутентичными, но не сохранившимися источниками, а со своеобразным способом повествования и методом подачи собственных интерпретаций, присущими автору первой научной «русской истории». Конечно, защита «доброго имени» «последнего русского летописца» в духе Б. А. Рыбакова и А. Г. Кузьмина просто наивна. Однако, по большому счёту, не менее наивны и оценки с обратным знаком типа «фальсификаций» и «мистификаций». Дело просто в том, что у Татищева была своя методика, отличная от нашей, и своё понимание исторического «дискурса». Вместе с тем, мы убеждены, что отрицание исторической ценности одного сообщения Татищева не должно вести не только к признанию историка «лгуном» и «мистификатором», но и к отвержению вообще всех уникальных «татищевских известий» как недостоверных. Пока мы не в состоянии предложить рациональных объяснений для всех этих известий, должен быть оставлен открытым и вопрос о несохранившихся летописях (или списках известных летописей), бывших в распоряжении историка.

Заключение

Вернёмся к нашему сюжету. Проведя последовательный анализ всех доступных нам сегодня источников, упоминающих о пленении перемышльского князя Володаря Ростиславича поляками, мы можем, наконец, выделить среди них наиболее достоверные, менее достоверные и недостоверные. В последнюю категорию попадает известие «Истории Российской» В. Н. Татищева. Лишь в небольшой части достоверными, а в основном легендарными, можно признать рассказы о похищении Володаря польским воеводой Петром (Влостовичем) у Герборда и Кадлубека. И, наконец, по большей части соответствующими действительности оказываются данные «Хроники Ортлиба» и «Анналов» Длугоша в той их части, где отразилось летописное сообщение о Володаре, а совершенно нельзя усомниться в достоверности известий Ипатьевской летописи (по Хлебниковскому и Ипатьевскому спискам).

Разумеется, оставляем в стороне целый ряд источников, которые лишь повторяли те сведения, содержащиеся в указанных нами. Для полноты картины отметим, что в этот ряд вместе с польскими хрониками XVI в. попадает и Густынская летопись, которая в сокращённом виде передаёт «длугошевские» известия о Володаре и Петре по Бельскому (на полях имеются ссылки и на Кромера

и Гваньини, но они, похоже, проставлены задним числом не для указания источника сведений, а для указания, где вообще об этом говорится)³².

Опираясь на достоверную информацию об историческом событии, можно дать ему и адекватную историческую оценку. Самое важное, с нашей точки зрения, о чём свидетельствует история с Володаром Ростиславичем и Петром Влостовичем, — это тот факт, что тесные связи Руси и Польши выражались не только в военно-политических, дипломатических, экономических, культурных контактах, но и в том, что на современном бюрократическом языке принято называть «человеческими контактами». В данном случае перед нами пример перехода знатного человека со службы польскому князю на службу русскому, имевший своё яркое и даже драматическое «человеческое измерение», хотя и не лишённый, разумеется, определённого политического значения. Перемещения людей, в том числе входивших в элиту Польского и Русского государств, следует и без того предполагать по некоторым данным. Можно вспомнить, например, рассказ Киево-Печерского Патерика о Моисее Угрине, который попал в плен к знатной полячке; в 60—70-е годы XII в. на службе у смоленских князей упоминается некий Владислав Лях, имя и прозвище которого скорее всего указывают на польское происхождение; известны также имена галицких бояр первой половины XIII в. явно западнославянского происхождения. Однако в нашем случае восстанавливается целая история взаимоотношений польского вельможи и русского князя.

Нельзя верить в легенду, что переход Петра к Володарю, а затем пленение князя были спланированным «спецмероприятием» польского князя и его советников. Такого рода «акции» в то время были просто технически неосуществимы (хотя бы потому, что если кто-то в «сенате» Болеслава был в курсе дела, то очень скоро сведения дошли бы и до Перемышля). Вне всякого сомнения, замысел перехода принадлежал Петру, и ответственность за последствия лежала на нём. Едва ли он заранее рассчитал, как будут разворачиваться события, и скорее должен был предполагать, что его новая служба — это «всерьёз и надолго». Во всяком случае, то место, какое поляк занял при дворе перемышльского князя, и тот факт, что он стал крестником княжича, однозначно говорят о серьёзности отношения к нему Володаря. Очевидно, князь ценил выдающегося «можновладца», прибывшего к нему, если верить «официальной версии» польского двора, со своими людьми в количестве 30 человек, — это было значительное усиление его «дружины»³³. Из деталей этого «перехода» отметим особенно упоминание продолжателем Ортлиба клятвы верности, которую принёс поляк Володарю. Это свидетельство является уникальным для Древней Руси, где присяга верности человека, поступающего на службу к князю, не фиксируется³⁴. Однако, если верить цвифальтенской хронике, по крайней мере, в западных русских землях с таким обычаем должны были быть знакомы.

К сожалению, не ясны причины ухода Петра Влостовича обратно в Польшу. Вероятно, на компромисс пошёл Болеслав; возможно, обретение «новой родины» давалось не без труда Петру, а место при дворе краковского князя рассматривалось всё-таки как более выгодное и блестящее, чем в русском княжестве, образовавшемся только несколько десятилетий назад. В известии Длугоша пленение Володаря показано как результат военных действий, не представлявших собой ничего экстраординарного (обычные конфликты пограничных государств). В чём конкретно состояла «лесть», непонятно. Возможно, сообщение Герборда, что князь был взят в плен во время охоты, отражает каким-то образом действительность. Но скорее, причина появления этого сообщения такая же, как происхождение упоминания об охоте Володаря у Татищева — *правдоподобная выдумка или догадка*. Хотя и летописное

³² ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 76—79, 81.

³³ Известные аналогичные «переходы» совершались знатными людьми не в одиночку, но всем «домом». Ср. сообщение Патерика Киево-Печерского монастыря о приходе варяга Шимона на службу к Ярославу «Мудрому» «со всем домом своим, яко до 3000 душ, и со еrei своими» (Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 5), а также историю обоснования в Москве при Иване Калите Родиона Нестеровича, родоначальника Квашниных, который пришёл Москву с двором численностью в 1700 человек (подробнее анализ известий о Родионе см.: Горский А. А. Москва и Орда. М. 2000. С. 35—37).

³⁴ Ср.: Стефанович П. С. Давали ли служилые люди клятву верности князю в средневековой Руси? // Мир истории. Электронный журнал. 2006. № 1. <http://www.historia.ru>.

известие 1122 г. о пленении Володаря, отразившееся у Длугоша, не упоминает Петра, но поскольку именно на него возлагается ответственность за это событие всеми остальными источниками, нельзя сомневаться, что его роль здесь была главная. Как мы уже говорили выше, перемышльский князь стал своего рода трофеем польского вельможи, претендовавшего на самое высокое положение при дворе Болеслава. Безусловно, Пётр Влостович получил свою долю из выкупа, доставленного в Краков. Само определение суммы выкупа наверняка не обошлось без его участия, поскольку состояние казны князя никто в Польше лучше него знать не мог. Кстати, упоминание «сосудов греческой работы» вряд ли случайно и должно быть сопоставлено с фактом выдачи дочери Володаря замуж за сына византийского императора Алексея Комнина³⁵.

Пётр Влостович вернул себе первое место в элите Польского государства и сохранял его долго. Компромисс с Болеславом выдержал проверку временем. Несмотря на то что сомнительность всей истории ощущалась и в Польше, и на Руси, требования *Realpolitik* оказались сильнее. Не только польский князь предал забвению переход своего вельможи в стан враждебного соседа, но и на Руси, видимо, могли смотреть по-разному на всю эту историю. Во всяком случае, после своего падения Пётр Влостович нашёл убежище именно на Руси (не говоря о том, что его женитьба на русской княжне могла состояться не до или во время пребывания в Перемышле, но и после). Это говорит о том, что понятия «предательства» и «измены» не были абсолютными в то время (хотя, конечно, и не пустыми словами), и их идеальное содержание корректировалось материально-практическими соображениями. Представители «книжной культуры», конечно, были способны найти разные обоснования в пользу той или иной трактовки поступка Петра Влостовича. Кадлубек и Герборд находят возможным его оправдать, поскольку он действовал ради «пользы Отечества» (у первого автора) или ради укрепления власти правителя, несшего свет истинной веры диким поморянам (у второго). Для монаха Цвифальтенского монастыря и русского летописца важнее было осудить предательство и вероломство как грех относительно христианских заповедей. В целом, сходство в теоретических оценках события и в практическом отношении к его участникам позволяет говорить о близости той политической культуры, в контексте которой складывались отношения не только правителей (князей) между собой, но и между правителями и представителями знати соседних государств на «центрально-восточноевропейском пространстве» в первой половине XII в.

Кроме восстановления хода событий и оценки одного любопытного эпизода из нашей древней истории, побочным, но, как нам кажется, не безынтересным, результатом нашего исследования стали выводы относительно наличия летописных выдержек в составе «Анналов» Длугоша и метода работы В. Н. Татищева. Полагаем, вывод о достоверности одного из уникальных сообщений Длугоша по истории домонгольской Руси может стать аргументом в пользу — впрочем, и без того достаточно обоснованного мнения о том, что в распоряжении польского хрониста, действительно, была какая-то русская летопись, не дошедшая до нас, но содержавшая сведения, неизвестные по другим летописям. С другой стороны, наши наблюдения над исследовательским методом и манерой изложения В. Н. Татищева могут быть небесполезны в дальнейшем (по большому счёту, ещё только начавшемся) изучении как уникальных «татищевских известий», так и ранних этапов развития отечественной исторической науки.

³⁵ ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1. Вып. 1—3. Стб. 280 (1104 г.).